This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Confined to Library

Comenius Collection

VET. 2. K8.

BEQUEATHED BY
ROBERT AUTY
PROFESSOR OF COMPARATIVE
SLAVONIC PHILOLOGY
1965 – 1978

302734023O

О КНЬИЖЕВНОЙ

УЗАЙМНОСТИ

СЛАВЯНА

ОДЪ

ІОВАННА КОЛЛАРА.

(Цена е 50 кр. среб.)

28. X. 63.

FROM:
PROFESSOR ELIZABETH HILL,
DEPARTMENT OF SLAVONIC STUDIES,
UNIVERSITY OF CAMBRIDGE.

Presented with good wishes
To: Robert Auty,
the third holder of the London
Chair of Slavonic Philology
on the day of his Inaugural
Lecture as a token of
admiration and friendship
From: Lisa.

О КНЬИЖЕВНОЙ

УЗАЈМНОСТИ

ИЗМЕЂУ РАЗЛИЧНИ

ПЛЕМЕНА и НАРЂЧІЈА

СЛАВЯНСКОГЪ НАРОДА.

ОДЪ

ІОВАНА КОЛЛАРА.

ПРЕВЕО СЪ НЕМАЧКОГЪ

ДИМИТРІЄ ТЕОДОРОВИЋЪ.

У БЕОГРАДУ,

Печатано у Княж. Серб. Кньигопечатньи.

1845.

PG 5433. A1. K

TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
19 MAR 1979
OF OXFORD
LIBRARY

О КНЬИЖЕВНОЙ УЗАЙМНОСТИ ИЗМЕЂУ РАЗЛИЧНИ ПЛЕМЕНА И НАРѢЧІЯ СЛАВЯНСКИ.

---

§. 1.

Улазъ.

Єданъ одъ найкрасніи и найзнаменитіи цветова, кои є у новие време на полю млогоколеногъ народа Славянскогъ изникао и развио се, єсть тако названа кньижевна узаймность, руски взаймность словенски wzàjemnost. Први путъ опетъ садъ после толики столећа, починю себе расута племена Славянска сматрати као єданъ велики народъ и ньиова различита нарѣчия као єданъ єзикъ, пробуђую се къ народномъ чувствованю и чезну за тешньимъ споєнѣмъ. Облаци заблуђеня и слепоће разилазе се, уморени одъ дуге распре и празногъ глупоумногъ раздора и безсвестногъ распаданя, бацаю окове стари предрасуда, да бы своє изгублѣно право природе и разума обновили, и ко ономъ човеко и братолюбню узвисили се, коє є єдино само кадро несрећне народе преобразити и усре-

ћити. Славянски народъ тежи опетъ за своимъ првобитнимъ єдинствомъ, као оно, у цветъ и плодъ развиено билѣ къ своимъ пупольку и семену. За свеобшту свезу, кою ни землѣ ни мора разкинути не могу, и коя непримѣтно крозъ племена и нарѣчия простире се; за такву књижевно душевну свезу Славяни су у садашньости не само способни него є іоштъ и за већину њиову то и нуждна потреба. Ова идеа и появляй, будући да су за саданю Европу іоштъ нови, єдини и изворни, за славянску целокупность пакъ одъ велике важности и слѣдства пуни, заслужую найвећу пазльивостъ свестранно сматранѣ и испитиванѣ свакогъ изображеногъ Славянина у толико више, што бы они премда по себы невинни, опетъ замршаима и неспоразумѣніяма повода дати могли. Ни єдна величественна и духъ узвишаваюћа идеа не ступа у светъ безъ двогубе борбе: съ єдне стране са неприятельима овакве идее, кои свакомъ нѣномъ далѣмъ распространяваню на путу стоє, съ друге пакъ стране са приятельи нѣни, кои се истина за ню изяснюю и раде, али прави смисао нѣнъ неразумеваюћи често тако погрешаваю, да млого пута доброй ствари више шкоде него они први. Єръ не само што мудраци изображени, больи и племенитіи у Народу у явни животъ ступаюће ове идее са високимъ учашћемъ прихваћаю се, него и самъ прости пукъ, себичникъ и празнословъ (Schwärmer) пока-

зую се као распростирачи и бранительи нѣни, нечувствуюћи и непостизаваюћи бистрећу, значенѣ и узвишеность нѣну. Што є дакле узвишеніи и важніи кои предметъ, што є већа частъ човечества на кою се онъ относи, што су богатия и знаменития слѣдства, коя су за животъ и што се онъ лакше на зло употребити може, то чешће треба да о нѣму промишлявамо, говоримо и пишемо, то прилѣжніє да настоявамо, да истинита понятия и знаня о нѣму распростиремо. И ово є управо цѣлъ овогъ списания. Сачинитель овогъ дѣла іоштъ є пре 7 година (по преводу 14.) истина накратко први путъ ову явно свету саобштио у „Rozprawy o gmenah“ Будимъ 1830 стр. 345, а затимъ о ньой све више и више расуђивао, а и нека овде наведена списания другіи народа читао, и ньиови мѣния одъ части држао се, съ томъ намеромъ, да неби као Славянинъ пристрастанъ видіо се, него; у колико є могуће, да бы Европейско одобрение задобио.

§. 2.

Шта є то узаймностъ по сили речи?

Узаймностъ или међусобие ние новоскована туђа, него іоштъ одъ давна у старославянскимъ, рускимъ, польскимъ и другимъ Славянскимъ нарѣчияма употребляема домаћа

речъ; она одговара латинской речи Recipro-citas (одъ recipio, recapio) Етимологически долази ова речъ одъ jati, zajati prigjmati, старослав. и рус. заемный, занимаю, взаимствованіе, кое толико значи, колико узети и опетъ натрагъ дати, узаймити и повратити, узаймно обимати се, грлити се. Ческа обична речъ obapolnost неизражава савршени смисао, ербо речъ та obe и pol, polowice, само се на две половине или стране, относи, узаймностъ взаймностъ wzajmnost може се пакъ не само на две, три, четиръ или петъ, него и на више страна (Partheien) и племена прострти. Узаймностъ е дакле свеобшти узетакъ, узаймна промѣна и саединѣни ужитакъ. А кньижевна узаймность естъ свеобште участие свию народни грана у душевнимъ производима свога народа, есть узаймно купованѣ и читанѣ свию у свима Славянскимъ нарѣчияма издаваеми списания или кньига. Свако нарѣчие треба да нове животне крѣпости изъ другогъ нарѣчия црпи, да се тимъ помлади, обогати и изобрази, а не пакъ да на друга нарѣчия напада, или на себе нападати допушћа, него да се поредъ свию остали и оно на своме властитомъ месту слободно одржи. При узаймности остаће свако племе и нарѣчие непокретно на своме староме месту и поспѣшествоваће узаймно радећи и ревнуюћи развитку обштенародногъ кньижевногъ цве-

таня; узаймность сама овде ние цветъ него Цвета *) кои различна цвећа сади, негуе, залива и чува, и ньинъ цветни прашакъ за нову краснуѣ смешу уређуе.

§. 3.

А шта узаймность ние?

Ова се не састои ни укаквомъ политичномъ саединеню свию Славяна не у самовольномъ врзеню или бунтовномъ подизаню противъ државне владе и владѣтеля, изъ чега се само забуна и несрећа раћа. Кньижевна узаймностъ може и онде быти и обстати, гди еданъ народъ подъ више скиптрова живи, гди е на више држава, кралѣвина, кнежевина, землѣдржства и репбулика поделѣнъ. Међуусобностъ и тамо е могућа, гди су у едномъ народу выше вѣроисповѣдания и гди су различна писмена, поднебия, землѣ и предѣли завичаи и обичаи. Међуусобностъ ние надлежателствама мирскимъ и владѣтельма опасна, еръ она землѣ и границе зависимостъ овогъ или оногъ монарха и друга овима подобна политична обстоятелства на миру оставляюћи: задоволява се са своимъ постоећимъ обстоятелствама ствари, она се покорава свакомъ

*) По баенословлю Славянскомъ Богиня цвећа.

државномъ правленію и са свакимъ видомъ грађанскогъ живота задовольна є, права и законе странни народа неврећа, у кратко са свакимъ Господаромъ на миру, а са сусѣдомъ у приятельству живи, она є као тиха и незлобна овчица, коя истина великомъ єдномъ стаду принадлежи али на своіой особитой ливади пасе. Држава є друштво више земаля и различни народа подъ єднимъ свеобштимъ началствомъ, когъ є цѣлъ: обрана, правда и поспѣшествованѣ просвећеня нѣму повѣренни народа. При кньижевной узаймности нећемо имати нужду желити или Богъ самъ зна какове планове и предложеня чинити, као што нѣмачки списатель Ант. Линхардъ у своіой исторіи Краньске, Любляна 1719 год. свезъ II. у предговору стр. 2. чини, кои вели: „да су између остали народа Аустрійске монархие Славяни числомъ и силомъ найпретежніи, да бы, кадъ бы у политики употребително было, сумму саединѣни сила, на коима величество ове државе почива, са найвеће єдноплемене силе узимаюћи, Аустрия исто тако као и Руссия Славянскомъ державомъ назвати се морала. Алъ ми ће мо се већма задовольити съ племенитосмѣрнымъ изясненѣмъ славянскогъ нашегъ списателя Б. Копитара, кои у своіой Грамматици стр. 19 вели: „Нѣг. Величество Царъ Францъ I. благоизволио є по штедроти своіой Францишкану О. Штулию сва нужна средства подати, да бы само предузети

свой Иллирскій рѣчникъ што уредние израдити могао. И у ствари имаю Славяни неко право више призрения одъ стране Аустрискогъ Правителства очекивати, єръ одъ 34. миллиона, кои подъ мирномъ овомъ круномъ живе 22. су мил. сами Славяни, другіи 12 Немци, Мађари, Чифути и другій. *) — " И Немци су на више племена и држава поделѣни, и они живе подъ више правления као и Славяни; у Немачкой има садъ 38 различны держава и кнежевина, къ овима Данце, Норвеге, Шведе, Холанде, Белге, Лотаринге, Елсассе, Бургунде, Швайцере, Ердельце Ципсе нерачунаюћи, Славяни живе само подъ 5 правления: Подъ Рускимъ, Аустрискимъ, Прускимъ, Саксонскимъ и Турскимъ. Кадъ дакле кодъ немаца народня кньижевностъ подъ различнымъ немачкимъ и не немачкимъ правлениями места имаде, то исто може и кодъ Славяна тимъ пре имати, што су ови по нарави мирніи, и права власти своіой, не као што неприятельи говоре, пузави, но страхопочитателни. Та и Грци и Енглези живе такођеръ подъ кралѣвима, кои нису синови ньиовогъ народа. Нетреба одма да вичемо и да коримо оне као

*) Овоме примеру узвишенога Монарха и отца слѣдовао є и узвишени садъ владаюћи синъ Н. величество Фердинандъ I., кои у важивши велике заслуге за Славянску кньижевность Г. I. Іунгманна сачинителя класичкогъ Ческогъ рѣчника, благоизволиому є зато єданъ драгоцѣнни дiамантски прстенъ съ надписомъ високогъ свогъ имена наймилостивие подарити.

ентхузиясте, Фанатике; бунтовнике или непријателѣ другіи народа, кои су своме народу вѣрни и нѣга усрећити желе, безъ да бы и у памети имали, поредакъ света нарушавати. — Ова узаймность несастои се такоѣеръ и ни укаквомъ универсалисираню или на силномъ смешаню свию славянски нарѣчия у еданъ главни езикъ, или едно списательско главно нарѣчие, као што неке Слависте о томе снивати почепе. Славянска нарѣчия одъ части граммати-кално веѣъ су тако далеко едно одъ другогъ одцеплѣна, да се више у еданъ езикъ споити немогу; одъ части филологически нека су се одъ овы тако изобразила, и съ прекраснимъ кньигама обогатила, да се одъ човеческе слабости, суетности и своелюбия нинайманѣ очекивати неможе, да ѣе и кое племе свою каковуму драго самосталность жертвовати, своѣъ до данасъ не съ малимъ трудомъ добивеномъ благу отказати, таково одма заборавити или одъ нѣга одрећисе. Већа частъ Славяна придржава се съ урођеномъ и одъ толико столећа освећеномъ любавлю свога нарѣчия, и веѣъ се тако свако за себе изобразило у кньижевности, да небы могли ладнокрвно одъ нѣга одустати, а камоли заборавити га.

§. 4.

Колико и коя Славянска нарѣчия принадлеже къ овой узаймности.

Сваки ако башъ и не высоконаучени, а

оно баръ на првомъ степену изображеня и просвећеня стоећи Славянинъ требало бы да ова 4. садъ живећа и изображена нарѣчия, на коима се кньиге пишу и штампаю, научи, а то су: Руско, Србско, Полячко и Ческо-Словенско. Учени и изображени Славянинъ другога реда нека се и у маня нарѣчия и поднарѣчия упушта, као, н. пр у рускомъ нарѣчию са малорускимъ, у србскомъ *) са Хорватскимъ, Вендскимъ и Бугарскимъ; у польскомъ са лужичкимъ и. т. д. Славянинъ трећега реда или у правомъ смислу наученіи єзико и повѣсти испитатель, треба сва славянска нарѣчия безь изузетка да зна, жива као већъ и изумрла, изображена као и неизображена чиста као и съ туђимъ єзицима смешана, мало као и далеко разпрострта, владаюћа као и подложна, коя су съ глаголитскимъ, кирилскимъ, латинскимъ или швабскимъ писменама написана; онъ се мора чувати, да га укоръ Тунмана (Пр. 171.) непостигне, кои вели: „Повѣстникъ и єзикоиспитатель често є тако неправеданъ као и пуки простакъ: онъ презире онога, кои є у несрећи.“ Између изумрли нарѣчия нека старо или црквенно Славянско нарѣчиє буде прво. Као што Архитектъ и свакіи чувствителни

*) Гди є Г. Списатель у место Србскогъ имена „Илирско“ употребио, я самь га са Србскимъ заменуо.

Пр.

човекъ старе храмове іоштъ у ньиовимъ развалинама са страхопочитаниемъ сматра и са испитателнимъ духомъ проучава; тако нека и Славянинъ са своимъ милимъ одъ пређашньи столећа заоставшимъ и у наше време одкривенимъ єзикословнимъ отломцима и кньижевнимъ остатцима различни Славянски нарѣчия, као н. п. што є, Кральодворски рукописъ, Фрайцински отломакъ, Слово о полку Игоровомъ, Глаголита Глозиянски, Полячки Псалтиръ и. т. далѣ, чини. Правомъ є Славянину такођеръ саветно и полезно и другіи народа єзике знати и учити, кои су ближе или далѣ са славянскимъ сродни н. п. летски, литавски, курски, влашки, албански, новогрчки и пр. У наше време ние доста быти само добаръ Русъ, ревностанъ Полякъ, совршенъ Србинъ и високонаученъ Чехъ, и исключително само руски, польски, србски и чески ма како добро говорити. Ове засебне детинства године славянскогъ народа већъ су давно прошле, духъ саданѣгъ Славянства налаже намъ свима другу и вишу дужность, то єсть: сви Славяни треба да се као браћа велике єдне фамилиє сматраю, и да узаймну свеславянску кньижевностъ произведу, по ономъ основу: „Славянинъ самъ, и све што годъ є славянско, мени є властито. Знанѣ Славянски нарѣчия было є, а и данасъ є іоштъ непрестано, и кодъ сами учени Славяна, тако редко и тако ограничено, да кадъ бы тели макаръ какови важни пред-

метъ другой Славянской браћи разумителнимъ учинити, то бы га морали на туђемъ неславянскомъ єзику написати. Зато є башъ Добровски своя панславическа списания немачки или латински писао; зато є морало ово сачинение на зактеванѣ више Славяна на немачки єзикъ превести се. *)

§. 5.

Колико треба да се ова узаймность простре?

Нижи или виши степенъ знаня другіи славянски нарѣчия зависи одъ особа, ньиови намера, ньиове волѣ и могућства; алъ опетъ бы требало, да свакіи изображени Славянинъ найманѣ баръ грамматично-лексикално нарѣчия своє собраће познає, т. є. значенѣ, свакоме нарѣчию свойственни, речи, видове, скланяня и спрезаня, и у колико она одъ другіи нарѣчия као одъ свои сестара удаляваю се. Ми неиштемо да сваки Славянинъ сва славянска нарѣчия савршено говори, или да у ньима іоштъ кньиге пише, него само да єданъ другогъ у говору разумемо и єданъ другога кньиге читамо. Ми неиштемо ни то, да сваки Славянинъ све у свакомъ нарѣчию излазеће кньиге

*) Разумева се оригинални саставакъ Г. Коллара.

или повремена списания купує, єръ то не бы може быти домаћа обстоятелства свакоме допушћала, него само да она сваки себи набави, коя су у свакой струци изрядна, класична и по садржаю свеславянска (све славяне обузимаюћа и ньи тичућа се.)

§. 6.

Примери узаймности кодъ други Народа.

Кодъ новіи Народа нигди неналазимо такову узаймностъ, о коіой се овде речъ повела, єръ нигди такове околности и потребе невладаю, кое бы ю произвеле, као кодъ Славяна; кньижевно основоположение другіи европейски народа єсть єднообразностъ у єзику, а славнискогъ народа основъ єсть поєдиностъ у наручияма, коя узаймностъ заштева. Кодъ другіи народа н. п. кодъ Француза, Енглеза и другіи угнѣтило є одма іоштъ у почетку народногъ живота єдно нарѣчие сва друга. Но зато опетъ учи кодъ Француза сваки изображени домородацъ и друга сродна къ римскомъ или латинскомъ коренномъ єзику принадлежећа нарѣчия, премъ да су ова єдно одъ другога више удалѣна, више нечистия, и да єдно другоме тако неналиче, као Славянска међу собомъ; сваки изображени Енглезъ говори и француски талиянски, шпански и португалски; сваки изображени талиянацъ чита и францускогъ

Волтера, енглескогъ Шекспира, шпанскогъ Церванта и португалскогъ Каменса. Кодъ Немаца чини се да є до Лутера и Реформациє нешто подобно было, но опетъ видити є, да є ово више была ревньивостъ и борба различни нарѣчия єдногъ противъ другогъ, нежели права међусобностъ, докъ єдномъ Саксонско нарѣчиє сва друга непрогута. Латински є аристократически изображени средоточни єзикъ Римляна, напротивъ Грчки и Славянски су демократически, периферически и диялектически єзици. Римлянинъ є писао, као што є чуо, и као што су га учили съ некимъ особитимъ соглашаванѣмъ; Гркъ є писао, као што є говорио са свимъ просто; латински єзикъ имаѣаше само єдно средоточиє варошъ Римъ, грчки и славянски єзици имаю више средоточия и само єдно споєнѣ; отуда ми у латинскомъ врло мало трагова одъ оногъ имамо, што се одступна нарѣчия или народньи єзикъ назива, понайвише іоштъ кодъ Плаута и Еннея и оно мало што доцніи разбацуюћи се списательи и єзикослови у причама као редкости наводе. У Латинскомъ є єзику све учиннѣно, израчунѣно и измерено: отудъ долази оно у очи упадаюће сходство између 5. самогласника а, е, і, о u, и 5 склоненения тако, да є за сваки самогласникъ єдно склоненіє опредѣлено и сачинѣно было; зато и єсте свака, одъ каквогъ славослова или стихотворца новоскована речъ одма целу варошъ Римъ

узнемирила и побунила. — Найвећа и изненадна подобностъ налази се дакле у овомъ смотрению између насъ Славяна и стари Грка или Елина. И кодъ ньи е быо само еданъ народъ и више не само едно поредъ други живећи, но и изображаваући међусобно обимаући и подпомагаући се нарѣчия као: іонично, еоличко, доричко и атичко нарѣчие коя су сва изъ едногъ староелинскогъ у предѣлу Фтиотисъ у Тесаліи негда говореногъ первобитногъ езика произишла. И сама ова четиръ главна нарѣчия, даю се опетъ на само два поделити, на: еоличко-доричко и іоничко-атичко нарѣчие, са свимъ нашимъ славянскимъ подобно, коя Добровски равнимъ начиномъ у два реда ставля и коя ми руско-србско и польско-ческо назвати можемо. У свима овима грчкимъ нарѣчияма быле су кньиге писане, куповане и читане; у свима налаазимо ми класикера, као:

У іоничкомъ нарѣчию писали су: Омиръ, Изиодъ, Ипократъ.

У еолскомъ: Алкей, Саффо, Теогнисъ, (Омиръ Аристофанъ.)

У доричкомъ: Теократъ, Пиндаръ, Калимахъ, Віонъ, Мошусъ, Архимедъ.

У атичкомъ: Исократъ, Демостенъ, Тукидиръ, Ксенофонъ, Плато, Ешилъ, Софоклесъ, Еврипидъ, Аристофанъ и. м. други.

У Омировимъ списанияма налазе се трагови и отломци одъ свию готово грчки нарѣчии, а найвише одъ іоничкогъ и еолскогъ. Аристофанъ мешао и заменявао е често атичко съ еоличкимъ. — Іоштъ у найстаріимъ временма видимо ми Грчки езикъ, у писаню такоѣеръ разновидно намъ супротъ долазити, онъ намъ се показуе у нарѣчияма одделѣнъ то есть другимъ речма; племена народа ни су чрезъ политичну независимость тако была усоединѣна, да небы свако свою особеностъ у списанияма могло важномъ учинити. Доцние ние ни самъ Велики Александеръ, кадъ е све Грке своіой власти подчинио быо, различна ова нарѣчия у еданъ езикъ слити могао. У Грчкой поезіи показуе намъ се сасвимъ свойственно появленѣ, гди се оно нарѣчие за поетичну струку утврдило, на комъ се нарѣчию такова струка први путъ показала. Тако се утврдило мекше на іоничко нарѣчие за епосъ, тврѣе доричко за епиграмъ и иділлу, а меѣу оба ова стоеѣе атичко нарѣчие за драмму и позориште. Еданъ и исти грчки списатель писао е или говорио е, како су кадъ предметъ, време или особе зактевале често у свима свога народа нарѣчияма. Атички Драмматикери бирали су хотимице за своя пѣвалишта велелѣпности ради, ако башъ не све а оно поне штогодъ одъ доричкогъ нарѣчия, кой е тврдъ сировъ и озбилянъ быо. Грци су на неки о-

собени лепъ начинъ своя нарѣчия употребити знали. Сваки Гркъ говоріо е не само своє завичайно (Heimathlihe) нарѣчие, него и нарѣчия другіи грчки племена, али при томъ су пазили, да се нарѣчия у єдно несмешаю. Будући да су поздние ова нарѣчия домаћа быти престала, и за єдно єдинито племе привезана, то су онда ова свима постала обшта, и служили су се, како є кадъ нужда и прилика захтевала. Сваки изображени Гркъ читао и разумѣвао є сва ова различна нарѣчия свога народа. У време Олимпически игра сви су списательи свию племена у свима нарѣчияма читали своє саставке; вѣнци и награде свима су се, кой су годъ такове заслужили, безъ пристрастия и безъ призрения на нарѣчие быле дѣлене. Онай у Атики рођени и воспитани, атички говорећи и пишући Тукидидъ плакао є у младости своіой, кадъ є оногъ у Аликарнасу рођеногъ и у іоникомъ нарѣчию пишућегъ Еродота свою Историю явно у вароши Олимпіи чуо читати. Атиняни су у Керамико (особито гроблѣ) дизали споменике своимъ найзнаменитіимъ грађанима, безъ предпоставляня и разлике у нарѣчияма єръ ови су грађани были као што ньиова животоописания и надписи надъ споменицима засведочаваю, стециште Грка изъ свию племена, нарѣчия и предѣла. Тко бы казао, да су грчка нарѣчия ближе єдно другомъ была, него што су данасъ Славянска, тай бы се яко варао. Не са-

мо изговоръ, слогоозначения и слогоударенія, него и падежи речи, читава склонения и спрезаня была су знаменито различна н. н. *ἅλιος* дорички, *ἥλιος* атички и іонички; *νᾶσσος* дорички, *νησος* атички, іонички; *δᾶμος* дорички, *δημος* атички, іонички; *ἀηρ* атички, дорички, *ἠηρ* іонички; *πρασσω* атички, дорички, *πρησσω* іонички; *θωρᾶξ* ат. дорички, *θωρηξ* іонички; *σοφιᾶ* атички, *σοφη* іонички; *Αθᾶναι* дорички, *Αθηναι* атички, іонички и. т. д. Тако є *θναισκω, θνᾶσκω, θνησω; ἀλαθεα* дорички, *ἀληθεια* атички, *ἀληθεη* іонички и. т. д. Млоге речи и изрази имали су у разнимъ овимъ нарѣчияма често са свимъ противанъ смисао н. п. *λογχη* у атичкомъ нарѣчию значило є коплѣ, оружіє у іоничкомъ частъ (Theil); *φαρμακον* у атичкомъ отровъ у іоничкомъ бою; *φονος* у атичкомъ и іоничкомъ убиство, у доричкомъ зликовацъ *αφατος* у атичкомъ, доричкомъ и іоничкомъ непознатъ у еоличкомъ ватру бацаюћи брегъ и. т. д. Млоги овима сасвимъ подобни случаіи и различности, налазе се и у Славянскомъ єзику и нѣговимъ нарѣчияма, н п. Речи съ разликомъ самогласника у кореномъ слогу: пепелъ старослав. руски, србски popel чески полячки; Богъ старослав. рус. срб. Bůh чески, Bih руснячки; осенъ рус. єсенъ чески; кровъ руски, кревъ чески. Єднако написане речи сразличнимъ изговоромъ, н. п. медъ (рус. міодъ), покой рус. пакой, орелъ руски аріолъ, овесъ рус. авіосъ, волчекъ руски волчокъ. Ре-

чи различногъ значеня: злодѣи рус. зликовацъ, полячки чески крадльивацъ; рокъ руски судбина, словенски жребие, полячки чески година; бракъ рус. бракъ полячки одборъ; годъ ходъ рус. година польски чески часть, гостбина, србски слава; погредъ рус. подрумъ полячки, чес. срб. словенски мртвачки укопъ; масло рус. улѣ (зейтинъ) словенски мастъ, полячки, чески, срб. масло. Речи противногъ значеня: черстви рус. поль. старъ, тврдъ, чес. новъ свѣжъ; по томъ красно рус. црвенъ чески поляч. срб. лепъ; худъ, худыи рус. зао, чес. сирома, слов. поль. мршавъ. Речи различногъ рода: gus ges hus у рускомъ су мушкогъ, у ческомъ и польскомъ женскогъ рода; tien stjn sina рус. женск. у ческомъ мушк. срб. женск.; зверъ звире рус. польс. слов. мушк. чес. женс. и. т. д. Речи различногъ слогоображеня: куна чес. куница рус. (der Marder): Sah Чески Sàha словенски; саженъ рус. (хватъ); kupcowa чес. kupčicha рус. господарица и. т. д. Да су и Грци подъ различнимъ скиптровима и различнимъ владѣтельма у различнимъ државама живили, морама и островима едно одъ другіи оделѣни были, то е познато: но зато е опетъ читавъ народъ златна свеза узаимности у езику, художествама и наукама саединявала. Што е дакле кодъ Грка могуће и заиста было, зашто да небы и кодъ насъ Славяна могуће было. У овомъ смислу писао е іоштъ Стефанъ Гради у предговору Крстовке дубро-

вачкогъ стихотворца Палмота, Будимъ 1835 год. стр. 30. „Ceteri Slavi, si abhorrentem nonnihil a proprio eorum usu in hoc opere orationem offendent, eadem venia elegantissimum Poetam dignum judicare debent, qua Athenienses Pindarum, Calimachum, Theocritum, Doricos vates; et vicissim Siculi, Boëtique et Lacones Sophoclem, Furipidem et Aristophanem Atticos dignati sunt“ — Знатна е заиста сходностъ и подобвиость, коя се између насъ Славяна и Грка, не само у погледу на нарѣчия, него и у другимъ стварма ясно видити дае н. п. у пѣваню народньи песама (види Zpěwanky II. стр. 464.); у именма особа н. п. Хераклесъ - Ярославъ, Хариклесъ-Милославъ Клеопатра-Властислава и т. д. (види Rozprawy стр. 60 — 41). Іоштъ е Улрихъ одъ Хутенъ примѣтно ову сходность у App. ad Tacit. Germ., гди вели „Ingenia Slavorumt haben sanae Graecum quiddam refferentia.“

§. 7.

Како и гди е найпре постала мисао и чувствованѣ узаймности између Славяна? Кодъ когъ се племена ова найвише, кодъ когъ найманѣ развила и у дѣйство привела?

Свако столеће едногъ народа носи као и свако билѣ свой плодъ, а 15. столеће тако е слабо Карамсина или Добровскогъ познавало,

колико какавъ Камчадалацъ сбирку Српски народньи песама. Жалостнимъ судбама и искуствама више столећа научени, туђимъ подсмеіомъ раздражени, своіомъ штетомъ опамећени, любопитствомъ, езикоиспитиванѣмъ повѣстницомъ и другимъ ученимъ заниманиями натерани, одкровенѣмъ важни стародревности побуђени, изданѣмъ дивни народньи песама намамлѣни, почели су Славяни у последнѣмъ времену еданъ другогъ больма взирати, сами себе, своя племена и нарѣчия, своя преимућства и недостатке, свою срећу и несрећу, свою прошлость, садашньость и будућность познавати, и отудъ е прећашня тавна слутня кодъ ньи прешла учисту свесть: да су они сви само еданъ народъ и да еданъ езикъ имаю. Славяни су се приброивали и тимъ су нашли, да су еданъ найвећи у Европи народъ, и ово преброенѣ дало имъ е познати силу ньиову, коя е опетъ оно човеку урођено чувство у ньима пробудила, коя ячегъ съ потайнимъ стидомъ отоме извешћуе, да е самой природи противно, ако онъ иза слабиегъ стои, и текъ иѣму следуе, и коега іоштъ позива, да се нискости непредае коя е за нѣга срамна а за човечество шкодльива. Мали народи мале одговоре, велики народи велике одговоре даю на судилишту света. Ове мало по мало нехотице духомъ времена оживлѣне идее и чувствованя све су више у дешавале душе къ тихомъ чезненю за међусоб-

ну любавь, повѣреность и узаимность, да, кадъ е народъ споляшнѣ разкомаданъ и разцеплѣнъ, баръ срдца и духови едно буду, и душа се чрезъ то надомирена и у блажена осети. Тако су изъ мали движения поводомъ промысла мало по мало све већа колебаня бывала; и оно тихо чезненѣ примѣтило се у новиемъ времену свуда, и у явну е потребу обратило се. Духъ времена и потреба народа налазе садъ за свое изисненѣ устрое, было то у Регулу, Аугусту, Атили, Григорию V. VI. или Торквемади, Копернику, Колумбу, Хуссу, Пенну, Лутеру и. т. д. Ако бы какво споляшнѣ припятствие овимъ орудияма на едномъ месту штогодъ противъ стало, то се онда друга на другимъ местима хилядама раћаю. Но зато опетъ може духъ времена и потреба народа кодъ едногъ племена различни ради обстоятелства, пре оживити и ячомъ показати се, неголи кодъ коегъ другогъ. Кадъ ко шта има, обично се ондакъ съ онимъ што има задоволява, и немисли, да се разшируе: кои пакъ ништа нема, онай оће млого, оће све да има. Карпатски Словени ништа скоро до данасъ свога неимадоше у кньижеству: зато су и были први, кои су руке, да све Славяне загрле, пружили. Ньиово нарѣчие стои у граматичномъ и географичномъ смотрению у среди свию нарѣчия: еръ Карпати и Татри есу и остаће колевка свию Славяна. И зато е кодъ Угорски Словена ова идеа узаимности,

ако не найпре постала, а оно найживлѣ примила се и међу њима найбрже и найвише разпространила се. Одъ садашньи млађи Слависта врло є мало њи, кои небы баръ што одъ другіи Славянски нарѣчия знали и читали. У Шафариковой повѣстници Славянске књижевности видили су се Славяни као на великомъ каквомъ огледалу съ усхиѣенѣмъ, удивленѣмъ и чистомъ свестѣу први путъ у систематичнимъ реду и явно предъ очима Европе као єданъ народъ. Како красно и лепо мисли и пише истн Шаффарикъ о овомъ предмету у Лѣтопису Ческогъ музеума 1833 св. I. стр. 3 — 4. „Као што наравна любавь племените рођаке челядъ єдне фамилиє, башъ да они єдно одъ другогъ и подалѣ удалѣни живе, опетъ часъ явно и дѣятелно, часъ баръ у спокойной чезньи срдца тесно скопчава и къ ономе привлачи, да при искуству свакидашньи судба животи приятельска чувствованя узаймно подѣлюю: тако исто и наклоность, коя обычно сродне народе, гране єдногъ првобитногъ стабла къ међусобной любови и почитанию води, єсть єданъ скупоценни природе даръ, кои човечество украшава. У обоимъ случаєима одкрива намъ се непостижима премудрость добротворећегъ Божиегъ промисла, єръ ова на тврдомъ овомъ темелю, на сладкомъ овомъ унутарньомъ сострастию найяче свезе скопчава, коє су уговори како домаћегъ тако и дружевногъ или грађанскогъ живота, а стимъ

изображенія и среће человеческогъ рода. Славянска племена и гране истина синови едне прамайке али расути разнимъ непогодама времена осећаю утѣху и радость и при самимъ помислу на обште подрекло; а племенитіимъ душама међъ ньима за цело ние узаймна радость о срећномъ напредку и развияню ньиногъ езика, книжества, благонравия, изображеня, просвештеня и благостаня, као на противъ и смутня о злой судби и незгоди ньине браће, непозната и необична. После Словена и Чеха слѣдую у овомъ призрению Русси, Хорвати, Поляци и Србльи. Добровски се правогъ пута доста добро држао, ако и не съ намеромъ; нѣгова су дѣла свеславянска, премъ да знао ние, шта е то узаймность у книжеству. После Добровскогъ или одма съ ньиме долази Копитаръ-Шишковъ, Кепенъ, Румiанцовъ, Погодинъ и. др. кодъ Русса су лепе подражания достойне кораке къ узаймности учинили. Кодъ Србаля су Вукъ и Павловићъ *) кодъ Хорвата Гай, Топаловићъ, Курелацъ и др. ћене поуздане подпоре и подпомагачи. Кодъ Поляка учили су Кухарски, Мацивiовски, Росцисевски, Медински и друга Славянска нарѣчия, особыто Ческо. Жалость е права, да три найзнаменития Славянска стихотворца

*) Желили бы, да се ове Г. Сочинителя рѣчи у пуномъ смыслу потврде.

Пр.

нашегъ времена као: кодъ Русса Пушкинъ, кодъ Србаля Милутиновићъ а кодъ Поляка Мицкиевићъ гениемъ ове узаймности нису одушевлѣни были, да бы тако съ ногама на русской, србской и польской земльи стоећи, главама пакъ чакъ у славянски Етиръ допируећи, одъ целогъ Славянства виђени быти могли. Стихотворци показую се као цветъ у народу, ньи найвећма духъ ньиовъ оживлява и уздиже, они имаю найвећи читаюћи публикумъ, на кои благотворно дѣйствовати могу: ньима дакле по самой природи найвише пристои право и дужность народъ изображавати, и овай по духу времена у помлађиваюћи видъ доводити. Духъ времена и удешай народа, ако се неутврде, за мало су, промени подложни и найпосле іи нестае; срећно искуство и прилике за животъ народа есу то, што су ведри летньи дани за землѣдѣлие и жетву; тада све брзо зре и безъ по муке одъ задовольни косача свози се. Тако е исто и съ читавимъ народима, ако имъ е судбина поспѣшна: тада е свако срдце отворено, свака душа добровольна, тада се може и мора дрзнути, што бы се други путъ учинити устручавало. И башъ зато нетреба да красно оно време, у комъ се на насъ срећа осмеява, проспавамо. Ако се само съ еднимъ поколенѣмъ задоцнимо — post haec occasio calva — светъ одма узме сасвимъ другіи правацъ, кои више никакавъ Архимедъ неокрену.

§. 8.

Неузаймность, народня себичность и књижевна засебность.

Себичность или самолюбие може не само поедине люде, него и читава племена нарѣчия и народе окужити и заслепити. Таково племе упадне после у гнусно високоумие и гордость: сматра себе као взгру и изворъ човечества, као ремекъ, као рођена заповѣдника на кругу земномъ и као средоточие света. Гренландези, кои са своимъ домаћимъ скотовима изъ едногъ чанка еду, држе себе за найлепши народъ на свету, и сажалѣваю све остале народе, кои ньима равни нису. Караби и другіи Американски народи, кои одъ 10 — 20 шта више и одъ 30 слогова дуге речи имаю, тако, да іи едва на еданъ путъ изговорити могу безъ да неодану, опетъ веле, да е ньновъ езикъ найлепшіи и найсавршеніи на свету, и мрзе све, кои га неговоре. Измеђъ Славяна е жали Боже! зли овай духъ іоштъ у найстаріимъ временма млога племена задануо и заслепио. Да прећутимо историчну мрзость међу Милцима и Ободритима, распре међу Чрезпенянима и Радарима и битке међу Чесима и Поляцима: и у наше време има доста примера подобни себични подизаня едногъ Славянскогъ племена противъ другогъ, или баръ непочитаня и пренебрегаваня другіи по-

сестримски нарѣчия. Читаймо само съ вниманиемъ иначе славна дѣла Славянски Списателя прѣђашнѣгъ столѣтия: Велеславина, Коменскогъ, Ломоносова, Гундулића, Кохановскогъ, Красицкогъ, Обрадовића и др. како е кодъ ньи све ладно, едностранно и неузаймно-славянски! ако су кадъ што о своіой другой браћи и споменули, то е више отуђивало читателя, него привлачило. Было е време кадъ е еданъ Славянинъ другога едва за свога брата и сина едногъ народа признавао. Србинъ Чеха и Словена ни ни своимъ рођенимъ славянскимъ именомъ звао, него првогъ по немачкомъ Пемакъ, а другогъ по мађарски Тотъ: Хорватъ е држао Поляка више Хотентоту, нежели себи сродна. Чехъ е напротивъ мислио, да су Руссъ и Московъ више одъ племена Тартарскогъ народа. Види се да су и данасъ неки Чеси красотомъ свога езика занешени, зато мрзе и опадаю сваку узаймностъ и са самимъ Словенима, одъ кои они собственно уничтоженѣ и безусловно почехиванѣ ишту, алъ ово чине само они, кои више сами себе него свою народность любе, кои се бое да бы се чрезъ то могао ньиовъ яко понемчаваюћи езикъ и начинъ писаня пославянити, и тимъ и тако ньиово списательско бесмртие на коцку метнути. Али зато опетъ нетреба да майку тужити оставимо, ако развратне синове има; него валя, да се іоштъ тешнѣ око нѣ савиямо. Іос. Левиски иначе

учени Сачинитель руснячке грамматике печатане 1834 год. у Прземислу пита на страни 188 съ удивлениемъ: „Како е могао Г. Вац. Золеска руснячке пѣсме съ польскимъ писмени писати?“ Яо, за име Божие одговарамо мы, а зашто не? та заръ су и писмена едномъ само нарѣчию силомъ привилегия, монопола, присѣгомъ или проклетствомъ дарована? заръ ние доста што насъ землѣ, нарѣчия, вѣроисповѣдания и правописи разцеплюю, заръ ће мо іоштъ и слова за неприступни законъ узети? То е опако и неузаймно! — Полячки Списатель Войциехъ Свейковски пише у своме саставку о польскомъ правопису у Варшави 1830 овако: „Nie uczylem sie obcych dyalectow Slawianskich, nie umiem o nich sadzie.“ И опетъ е управо за испитиванѣ и осниванѣ правописа каквогъ славянскогъ нарѣчия, необходно нуждно знанѣ други славянски нарѣчия. Безъ свестранногъ познаваня другіи славянски езика, ние у стаю ни еданъ Славянски книжевникъ свой властити материни езикъ у унутарнѣмъ своме саставу и правилности разумети и сватити. У польскомъ Лѣтопису Powszechny“ Pamietnik nauk a umieietnosti, Krakowa 1835“ ставили су издавателни съ похвалномъ намеромъ нека Ческа сачинения одъ нашегъ врсногъ Шаффарика и Палацкогъ на польски езикъ преначена, кои садржай целогъ се славянскогъ народа тицаше. Неки Полякъ и рецензентъ писао е оверху тога съ особи-

томъ некомъ себедопадаюћомъ важностћу у Л'вовскимъ новинама овако: „Лепа є истина та мисао славянства као и исканѣ користи изъ дѣла сродни племена: али вара и помагай! дайте намъ више подлиности у производима кньижевнимъ; та милиja ће ду намъ быти наша отечественна польска испитиваня, неголъ туђа (питамо: заръ є Славянинъ Славянину туђинъ?) одъ некудъ преведена." Ето примера худогъ отуђиваня, отрицаня и интолератне народности! Польски тай рецензентъ небы заиста ништа рекао, или бы іоштъ преводителя похвалио быо, кадъ бы овай изъ енглескогъ, француског или немачкогъ єзыка што превео, али изъ ческо-словенскогъ! То се зове Славянска неузаймностъ. Поляци бы требали подобие красне почетке препоручивати и подпомагати, єръ ништа тако узаймностъ непомаже, као узаймно превађанѣ съ єдногъ нарѣчия у друго. Поляци бы требало што є іоштъ год. 1819. ньиовъ саотечественикъ З. Д. Ходаховски о Петрограду писао у кньизи: O Slowianczyznie w Krakowie 1835 стр. 40. *„Овдашньи учени тужесе о томъ, да међъ ньима и Поляцима іоштъ непрестано пречага старогъ неповереня и отуђиваня трає, у кратко да іи іоштъ дуга сѣверна ноћъ покрива, кадъ іи напротивъ съ юга и запада Евопе зрачна луча обасява.* Колико Поляка говоре, пишу и читаю савршено туђе не славянске єзике, као н. пр. француски, а башъ

ништа чески или србски! Колико Чеха имаю сва немачка списаиия, а ниедну польску или руску кньигу; колико Руса преводе безъ погрешке съ енглескогъ, италиянскогъ —. Нуждно бы было да найпре свою крвъ и свой родъ познати научимо, пакъ затимъ туђъ. Свагда е знакъ обезнаравия еднога Народа, кадъ онъ свое рођено и ближе презире и заборавля, а съ туђимъ, иностраннимъ и удалѣнимъ ревнуе; чрезъ то долази онъ у не наравно противурѣчие са самимъ собомъ, упада у неслогу и самъ себе упропашћава, кое по томъ и езикъ горко осећати мора, еръ кадъ се народъ изопачи, то мора и огледало нѣгове внутрености, езикъ то есть изопачити се. Мене бы иначе врло зло разумели, кадъ бы по овомъ овде казаномъ можда какву ненаклоность према Поляцима на мени примѣтити тели, кое я за найлепше и найвитежние племе нашегъ народа држимъ; усредъ мои осуђеня почитуемъ я Руссе высоко, духа пуне Чехе любимъ я исто тако као и нѣжно-чувствующе Србе: али поредъ свега тога немогу ниедно одъ ови племена штедити, ниедне њиове погрешке онде прећутати, гди се о благу и срећи целога народа ради.

---

§. 9.

Отношенѣ узаймности къ отечестволюбию повдини племена Славянски.

Нека Славянска племена и нарѣчия имаю своє властито, слободно и независимо отечество, друга само условно полу или съ другимъ народима и єзицима обште. Они први срећніи лако долазе у опасностъ да се у своє отечество одвећъ залюбе и тако се внише съ домородствомъ него съ народностћу заннмаю; притомъ на другу не тако срећну брађу єдне майке негледаю, сами себе задоволяваю и узаймностъ презиру. Али чрезъ то быва ньиово изображенѣ слабо, єзикъ єдностранъ, ньиова кньижевностъ постає частна на подобие каквогъ уда одцеченогъ одъ тела, ни у єдномъ одъ тіи неразвия се народньи характеръ у целой снази. Одъ овогъ зла може іи само узаймностъ спасти. Она на противъ нарѣчия и племена, коя своє отечество немаю,или коима бы се ово баръ одказати тело, наћиће у овой узаймности спокойну утѣху и душевно прибѣжиште, и имаће у овомъ прилюблѣню къ целомъ народу и ньиовой богатой кньижевности сладку нахнаду у место лишаваня отечества. Алъ опетъ заръ да се националисмусъ съ патриотизмомъ несдружи и у согласие недоведе, и у случаю несагласия, заръ овай ономе

да неуступи? єръ шта треба разуманъ човекъ више да люби землю или народъ, отечество или отечествени народъ? Отечество можемо лако наћи ако га и изгубимо: народъ пакъ и єзикъ нигди и никадъ; отечество є по себи мртва земля, туђъ предметъ ниє човекъ: народъ є наша крвъ, животъ, душа, подложностъ (Subjectivität). Отечестволюбиє є нешто натерано слепи нагонъ природе: любовъ къ народу и народности више є производъ разума и изображеня. И кодъ сами животиня и растѣния налази се отечестволюбиє. Млога воћа и цвећа прилюблюю се съ таковомъ приврженостћу своме отечеству, овога земли, воздуху и води, да или одма увену, осуше се, или закржляве и преобразе се, ако іи кудъ на друго место пренесемо и пресадимо; Рода, ласта и друге птице враћаю се изъ млого лепши предѣла у своє ладно место рођеня и бѣдно своє гньиздо натрагъ; млоге животинѣ пре бы се убити дале, него што бы землю, рупу или забранъ оставиле, гди се оне окућаваю и ране, или ако ій кудъ силомъ одавде у другу кою землю пренесемо, то оне често одъ жалости за своіомъ кућомъ скапаваю. Напротивъ ништа неналазимо у животиняма то му одговараюће или подобно, што ми любавъ къ народу и народности зовемо, будући да се ова надъ наравнимъ нагономъ узвишава, и ниє породъ нагона, него управляюће свести и мишленя. Свако животно само

за себе зна и не задруге. Оно има само чувствително осмотренѣ и споляшнѣ впечатленѣ, и башъ зато неки видъ отечестволюбия: оно дакле никакви понатия, нити идеа има, зато и никаквогъ родословия о народу. Сурови дивлякъ привржен е више бѣдной своіой и чађавой съ жалостћу и срамомъ испуненой колеби, неголи изображенъ човекъ своимъ двору и красной башти. Отечество Ешкима съ женомъ и децомъ есть велика и пливаюћа санта леда на дубокомъ и пространомъ мору; санта се колеба и люля мећъ ужасомъ на таласима, олуе и потоци вода носе ю далеко, преко и у накрстъ; морски куряци и птице нѣгови су земляци, а рибе и стрвине нѣгова су раана; онъ више година живи са своіомъ породицомъ на овомъ своимъ леденомъ отечеству, кое до последнѣ капи крви противу неприятеля брани и тако люби, да га небы съ найлепшимъ предѣлима променуо. Дивлякъ познае само ону землю, коя му е животъ дала, онъ има за неприятеля и странца само едну речъ и едно понятие. Съ границама нѣгове землѣ, затворенъ е нѣговъ светъ. Али коме да ми благодаримо за ово найболѣ и найблагородние што имамо? не нама самимъ не нашой земльи, него старомъ и саданѣмъ свету. Као што е сада удесность мећу народима, то е пре тесно отечестволюбие грехъ за човечество; него пространна любавъ къ грађанству грехъ за отечество. Чувай мо се одъ

подмуклогъ, несносногъ и осветожедногъ отечестволюбия, єръ оно є често поводъ найцрньи дѣла; нѣму су изванъ свогъ отечества сви неприятельи; оно често служи само за превидно оправданѣ увређени човечесни права и злоупотреблѣне силе надъ слабіимъ суседима или другимъ народима принадлежећу децу отечества. Ми съ овимъ Боже насъ сачувай! неће мо ни накои начинъ да отечестволюбие осудимо, него само желимо, да оно свой стари характеръ остави, и онай човечества на себе прими. Ни єданъ одъ стари народа именито: Грци, Римляни и Чифути нису были одъ погрешке овогъ єдностранногъ отечестволюбия слободни; они су само себе, свою землю и свой народъ познавали и почитовали, све друго изванъ свога отечества презирали и угнѣтавали, и тако нису допустили, да се мисао чистогъ човечества сасвимъ развие. Сви другіи народи были су Грцима βαρβαροι т. є. полудивляци, полулюди, за робове рођена створеня, безъ свакогъ права на право, достоинство и слободу. Шта више, Римлянину ние было робъ ни персона, него само стваръ, као што намъ нѣгови закони доиста сведоче. Римляни су своє робове у позориштама на муке мећали, и да прелюбодѣйствую натеривали. Чивутинъ називао є друге народе гоимъ т. є. язичницима, нечистима, робовима, неприятельима, онъ є све мрзео што Чивутинъ ние. Кои свой народъ презире, свой єзикъ

нелюби и непочитує, свой духъ и характеръ пренебрегава, тай ниє могуће, да може прави отечестволюбацъ быти. Манѣ мора дакле већемъ и узвишенiемъ т. є. отечестволюбиє народолюбию подлећи. Потоци и рѣке уливаю се у море: и поєдине државе, предѣли, племена и нарѣчия нека се у Народъ уливаю. Сви Славяни имаю само єдно отечество. Немачке населбине живе у Америки и у Руссiи; Енглези у Индiи, Аустралiи и свима другимъ частима света, но зато се опетъ тврдо држе свога народа и кньижевности. У Америки имаде више немачки дружства. Кадъ є пређе Мариландско дружство (по гласу Общти Новина) у Балтиморе свой годишньи празникъ светковало, напияле су се явно здравице: *За немачки саюзъ у Европи!* — Хермана . . . Блихера . . . Телла! за немачки єзикъ и кньижество! . . . Клопштока . . . Лесинга . . . Хердера . . . Виланда . . . Шилера . . . Гете . . . и. м. друге.

§. 10.

Да и већа славянска племена и умишлѣно или дѣйствително лепша и разпространития нарѣчия узрока имаю у ову Узаймность ступити.

Не само свесть самосталногъ отечества него и помисао на аритметични брой и политичну већину или на дѣйствителну или уобра-

жателну већу лепоту, изображеность и благогласностъ каквогъ нарѣчия, може кое племе едногъ народа на ту мисао довести: да оно друге нетреба, и да само за себе книжевность имати може, безъ да се мучи и друга посестримска нарѣчия учити. И сама маня племена, ако себе іоштъ съ маньимъ и неизображеніимъ или слабіимъ племенама и и народнѣима сравне, постаю често тако засебно горди и високоумни, да и они за одцеплѣнѣмъ теже. Овакво мечтаванѣ и самоудовольство може се не само у Руссу родити, кадъ онъ себе съ Полякомъ, него и у Поляку кадъ онъ себе са Руссомъ или Чехомъ; у Чеху кадъ онъ себе съ Лужичкимъ Србиномъ или Краньцемъ, у овоме, кадъ онъ себе съ Кашубомъ сравни. Такови еданъ само у свое нарѣчие залуђенъ Славянинъ непочитуе после ништа осимъ овога, и сажалѣва као Гренландезъ и Караибъ све Славяне, да у нѣговомъ нарѣчию неговоре и непишу, кое е по нѣговомъ мѣнию найлепше и найсавршение међу свима славянскимъ нарѣчияма, и кое е іоштъ вредно, да обшти езикъ свию Славяна буде. Све што се съ овимъ неслаже нѣму е противно. Онъ е подобанъ ономъ младомъ залюблѣномъ Енглезу, кои е путуюћи у Америку нѣга сретнувшимъ дивляцима мачъ у прси упирао и да му признаду искао, да е нѣгова любезница у Лондону одъ свию девояка на свету найлепша, найбогатия и найвоспитания. За свое на-

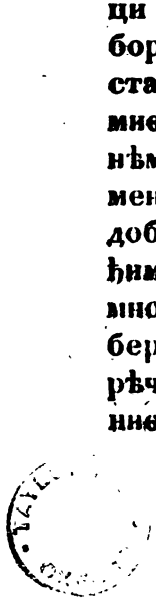
рѣчие слепо заузети, за свою слободу и самосталность плашльиво забринути, непоняю такови племена и нарѣчия обожатели башъ ништа, што бы у славянскомъ свету іоштъ лепшегъ и болѣгъ быти могло, што они немаю, нечиие и непишу. Пре 20 а и пре 10 година, (разумева се по оригиналу) іоштъ бы у Варшави оногъ човека измеяли, кои бы се усудио у отмѣномъ каквомъ друштву о рускомъ каквомъ роману или о србскомъ или словенскомъ епосу штогодъ говорити: али садъ признаю Поляци да и другіи Славяни даръ, вкусъ и стихотворно нарѣчие имаю као и они. Ми истина свагда са удовольствомъ гледамо кадъ едно племе и само себе люби, свое синове и кѣери узвишава, свою робу и дѣла другима предпоставля, свое списателѣ почитуе, и вообште добро мѣние о себи има: алъ само нетреба да насъ свеово одъ узаймности удалява, да се у високоумие и самохвалность или у презрение прама другіи претвори, и да завистъ, и оно што бы другимъ нашимъ сроднимъ тешко пало у ньима узбудимо. Єръ не само у свима людма, него и у свима народима и племенма лежи по нешто одъ нарави оногъ Атинянина, кои е гласъ свой противъ Аристида да се прогони само зато дао, што су га сви за найболѣгъ и найправичниегъ међу Грцима називали и хвалили. Треба да и поедина племена себе цене, али іоштъ више треба да цео народъ уважаваю.

Слава єдногa племена производъ є славе нѣгови поєдини велики мужева, учени, философа, стихотворацa, говорника, уметника и юнака. Избришимо 50 или само 20 имена изъ Историе знатни и славни Грка и ньнови различни племена, то ће намъ се представити тай народъ као неки другіи, и неће быти више оно, што є Грке онако сяйнимъ и великимъ чинило. Поєдина племена не могу се великогъ оногъ опредѣления коє читавомъ народу надлежи и о коємъ ће мо ми ниже говорити примити, а камоли испунити га, єръ само велики народи, само єдна велика нераздѣлена єднородна народня масса, може на човечество дѣйствовати, єсу створительи новіи времена, учительи и носиоци просвештения. Слабостъ бы дакле была себи мечтавати да и по єдина и раздѣлена племена такови задатакъ разрѣшити могу, кои є за читаве велике народе тежакъ. Такови дакле узаймности презрателъи треба да помисле, да они двосечни мачъ носе, съ коимъ съ єдне стране себы и своимъ племену, съ друге пакъ целоме своме народу, и чрезъ овай целоме човечеству штету наносе и ране задаю. Човекъ, племе, народъ, кои изванъ себе ништа друго не люби не може више ни самъ себе любити. И само наймлогочислениє и найсилниє племе славянско Русси, имаю велике узроке да се другима Славянима тешнѣ прилюбе, да бы тако яко угрожену свою чистоћу славицитета коє одъ хи-

ляду ньи обколяваюћи азиятски чета, кое пакъ одъ другіи у Руссіи и около нѣ живећи страни народа избавили, чрезъ узаймность обновили, освѣжили и укрѣпили. Само одвећъ кратковиданъ Руссъ могао бы свое соплеменике за єдините праве и чисте Славяне држати. Найлепше измећу славянски нарѣчия, ако таково быти и остати желі, нека се као цветъ одъ свогъ корена неудалява, иначе опада и сушисе. Лепи єзици и нарѣчия немаю свагда добре списателѣ. Зато є Руссима и Поляцима іоштъ време да се другима Славянима именито Чесима, Словенима, Србима и ньиовомъ красномъ складомѣрию приближе, да бы тако већъ яко испитану предметность и слогоразмѣрность ньиови нарѣчия и размѣрословия, чрезъ узаймно дотакньиванѣ съ овима, іоштъ одржали, освѣжили и оживили, и оно чрезъ послѣдованѣ немачко-француски начинъ саставляня стихова узнемирено равновѣсие измећу предметности и подложности, или измећу слогоразмѣрности и слогоударения опетъ повратили, у кратко свое помодарно стихотворство съ поляшнѣ и унутрашнѣ по начину и садржаю више по славенили. Треба дасе обвикнемо, у станѣ другіи племена поставити се, и сваки особени начинъ народногъ бића, говора и дѣланя да чувствуемо, уважавамо и съ радосћу о нѣму участвуемо. Люди, племена, народи, кои су се само за извѣстна нека и опредѣлена положения и отношения кое нибудъ зем-

лѣ, а не за сва могућа положеня живота изобразили, изгубе своє држанѣ, чимъ се обстоятелства њинова промѣне. Слава народа неоснива се садъ на нѣговой млогобройной величини, не на нѣговой якости и чврстой тѣлесности, на дуготраюћемъ здравлю и торжественой освети надъ нѣгови увредительи нити пакъ на обожаваню француски обичая и моде: него на морално-интелектуалной величини, самодѣятелности и самосталности, на любави и уважению целогъ народа и нѣговомъ скопчаню са човечествомъ и Историомъ света. Пука (spiesbürgerlich) независимость какве мале слабе было политичне или книжевне республике, дуговременостъ у одцепљиваню єдногъ малогъ племена и нарѣчия имаю само за оне душе дражести, коє чувство да членови єдногъ великогъ целогъ буду непознаю, и зато га и неразуму. Што є маньи округъ, што є друштво у комъ живимо одъ другіи друштва више оддвоєно, то су маня невкусния понятия коя имамо, книге коє пишемо, художества коя произвађамо, єрбо намъ изванъ ови ништа познато ниє, што бы насъ къ єдномъ добротворномъ поравнаню и поревнованю водити могло. Такови ограничени люди и племена мисле, да є свака относителна величина већъ найвећа величина и савршенство; али коє найвећи измећу врабаца, ниє измећу птица. Ни єданъ народъ и ни єдно племе некъ неодустає одъ користногъ ревнованя, єръ гди

нема ревньивости, ту нема ни напредка. Чрезъ узаймностъ породиће се кодъ славински списателя свию нарѣчия благоревньиво препиранѣ; свако ће нарѣчие друга превозићи тети, ни едно неће тети да буде послѣдно, ни едно да натрагъ заостане. Боля е борба елемента него изолирати миръ и ладна смртъ, одкудъ е трулежъ неизоставно слѣдство. Бара коя неотиче, устонсе: а ударанѣ челика о каменъ дае варнице и ватру. Ово узаймно ревнованѣ носиће двогубе плодове за цео народъ; оно ће свеобште сокровште народне книжевности већма обогатити, и отудъ опетъ благотворно на сва племена дѣйствовати. Кадъ любавь къ целомъ народу неби силния была одъ любави къ племеномъ роду, то бы сви люди као гусенице само на едномъ листу и грани еданъ поредъ другогъ стояли. Сви пороци и погрешке племена и сви недостатци у нарѣчию ондакъ бы се овѣковѣчили, и боре племена, буди како гадне оне быле, постале бы найпосле борхама народнѣ физіономие. Народи, кои се раздоромъ и разкомаданѣмъ изопачаваю, необлагороћаваю се. Племена и народи имаю свое будалаштине као и добродѣтели; последнѣ нека свако племе стуђимъ преимуществама измени. Ова узаймностъ быће за цео славински народъ као берза, у коіой свако племе и свако нарѣчие, найвеће као и найманѣ, найизображение као и оно неизображено свое акцие има,



одъ кои лихву искати може. Найпрезрение и найманѣ нарѣчие може често найвеѣемъ и найизображениемъ нарѣчию словоиспитателни ключъ къ изясненю млоги тавни речи дати. Колико се пута догаѣало, да е у едномъ нарѣчию коренъ какве речи сасвимъ запуштенъ и заборавлѣнъ, у другомъ напротивъ у пуномъ цвету стой, целу употребляему мложину сродни речи сачинява и светлостѣу своіомъ цео славянски езикъ осиява! Тако стои н. п. руски чинъ, Rang, Klasse, Abtheilung, за себе; алъ у словенскомъ нарѣчию имаде оно сродство у priečin priečinok, zâčin, zâčsinok и. т. д. Изопачене словенске речи bičâk, pitvor, налазе се савршено у влашкомъ bričak (britčak britwa), pridwor и. т. д. Сваки списатель когъ му драго племена онъ быо, мора да бы га читатали и разумели само строго народанъ быти, само за народъ, за мложину, за садашньостъ писати, онъ быва потомъ такоѣеръ само периодичанъ као и какавъ издатель Журнала, и нѣгова дѣла само мимогредна и нисколетеѣа као и свакидашнѣ брошире, као алманаси и другіи маньи кньижевни лепширићи и калибре. Кодъ насъ пакъ Славяня озбильски е желити, да се наши велики списательи науче своме духу дужно почитанѣ одавити, да дрзости имати могу за цѣо народъ и дугу будуѣностъ зидати, а не старати се, да се само одъ неколико стотина люди неколико месеци или година читаю и похвалюю, него да такова

дѣла производе, кои материя и форма народъ ће до живца дирнути и крозъ све сглавкове потрести, кои ће ін зато своимъ обштимъ добромъ учинити, и да се са свима жилицама живота у нѣму приме дупустити, и кои изрядностъ и за све будуће потомство остае. Славянски списательи нетреба да су само надничари поедини племена, него народньи архитекти при зиданю храма човеческогъ просвештения. Малобройни Словени и у непросвештеню забачени Лужички Срби да богме да немаю они млоги, сяйни, пѣсмословни опомена, кое Руссе, Поляке, Чехе и Срблѣ оживляваю, и чувство други Славянски собраћа тако силно къ ньима привлачи: пакъ опетъ имаю и ови своегъ Сватоплука, а они свога Сама као такођеръ изрядне предмете за епосъ. Ако отуђиваня племена и цепленѣ нарѣчия престану, то ће свако завиденѣ збогъ велики мужева престати, еръ ће мо быти ньиови сопритяжательи; оваковимъ е начиномъ славянска История обште добро свию Славяна и славянска кньижевностъ биће ондакъ еданъ у светилу узаймности блистаюћи се диямантъ, кои млоге зраке, а само едно гореће средоточие има; нѣгова концентрираюћа изрядна сяйностъ све ће бое издавати. Одъ Хорвацкогъ Зринія ондакъ ће падати и на Руссе, Поляке Чехе и Срблѣ исто тако зраци славе, као одъ Шпартанскогъ Леонида на Атиняне и све друге Грке. Само еданъ злобни и интолерантни

Езуіта могао е некада у своме панегирикону на светогъ Адалберта или Войцѣха съ предикаонице съ жалостнимъ гласомъ вопити: како е то милостиви Творацъ допустити могао, да еданъ Чехъ тако велики светацъ буде! стихотворацъ или говорникъ коегъ нарѣчия, ограничава све свое мисли у врло ускомъ кругу, и загушуе све изворе узвишености. *) Славяни су имали и досадъ стихотвораца, алъ ови су сами за себе или о себи певали: алъ говорника имали нису, нити су іи имати могли, будући да се ови умаломъ кругу слушателя никако нису могли изобразити, и поредъ млоги оскудица у народнѣмъ веществу скоро ништа неимадоше говорити. Зато ће се особито стихотворство и краснорѣчие сасвимъ чрезъ узаймностъ препородити, оно ће кругъ и полетъ такови добити, о комъ наши предци ништа нису знали: лица и предмети постаћеду имъ важни, кое су они као безуспѣшне и маловажне пренебрегли. Ми нетреба да узаймностъ у кньижевности, наукама и знаню нарѣчия нашегъ народа као краву сматрамо, око кое се зато трудимо и ранимо е, што одъ нѣ користъ имамо, и што

*) Ни еданъ славянски стихотворацъ неће се више за сачиненѣ юначке песне съ жалостнимъ утѣхомъ одѣшевлявати морати као Хнѣвковски у своме Děwjn:

„Že ge malý národ český
Pro něg také malý zpěw gen hezký“

намъ сиръ и масло дае, него као небесногъ гения, комъ приближити се и шньимъ у сродству быти, свако племе и сваки човекъ себе непонятно срећнимъ осећати мора, и то ни изъ каквогъ другогъ узрока, него што е онъ по себи великъ, величественъ и славанъ. Пресладко чувство човеческогъ или народнѣгъ биђа почива у свести свое властите дѣятелности. На сваки начинъ ова ће и материялне интересе у веће движение довести, трговину подићи и радиность оживити, алъ шта е іоштъ више него ово све, она ће намъ и развиянѣ душевни сила поспѣшествовати, будући ће намъ преко границе нашегъ малогъ быћа на полѣ у пространни животъ погледати дати, и читавъ разношарни видъ народньи или нама іоштъ сродни появления породъ насъ провести. Међу своя четиръ зида не може човекъ, међу своимъ отечественимъ границама не може ни едно племе свое нужно воспитанѣ набавити: Люди и народи у найлепшемъ смислу речи постали су осматранѣмъ целогъ човечества такови, безъ когъ пакъ люди су само деца, а народи и племена варвари. Племена и народи кои се одъ уплива затвараю и и сношение съ другима избегаваю, есу као обиталишта, у коя свѣжи воздухъ недопире. Сваки Славянинъ нека за обштностѣу у своме изображению тежи, даклемъ не едно племе не едногъ списателя другоме предпоставляти, нити кньиге у едномъ нарѣчию радие

читати него у другомъ. Тако познаемо народъ, уметностъ и кньижество само съ едне стране, а не у нѣговой целокупности. Чуваймо се дакле да у млогочисленомъ животу едногъ народа буди кои членъ надъ другима узвисимо и подигнемо. Нигди ние тежня за достоинствама тако опасна и шкодльива, као међу народима и племенама, коя надъ свима другима узвисити се желе. Ньиова е несрећа обычно двапутъ тежа. Судбина чини се као да се оће шньима да мери, и дае имъ тешко осетити, да іи она и на самой висости достоинства тако исто зна наћи, као и друге. Као што млоге различне државе у Америки само едну државу чине, и између себе све су еднаке: тако бы исто требало, да и млога Славянска племена и нарѣчия само едну слободну кньижевну државу имаю, у коіой се безъ разлике ни еданъ тирянинъ нетрпи. Цѣло може само ондакъ быти и обстати, ако се поедине нѣгове части у добромъ станю налазе. Славянски народъ и кньижество нека буду дрвету подобни, кое се на четиръ велике гране дели, свака грана цвета и носи свое плодове, свака додиркуе и своимъ гранчицама и лишћемъ узаймно грли се са другимъ гранама, а све су зато ньиове жиле само у едномъ стаблу укоренѣне и све заедно само едну круну чине. Ни една одъ ови грана несме се осушити или одкрати, еръ чрезъ то бы се це-

ло дрво ако не упрвоточило, а оно яко осушило и нагрдило.

§. 11.

Отношенѣ узаймности ко ученю други стари и нови езика.

Учени люди и виша училишта мораю наставление у славянскимъ нарѣчияма у ученомъ и народномъ обзиру као главни предметъ славянске изображености сматрати. Стари класически езици нетреба и нећею при овомъ ученю славистике ништа трпити; они остаю у своіой заслужиой слави тврди и непокретни као темель свегъ просвештеня. Ученѣ классикера особыто е зато важно, еръ они намъ често идее у првой млађаной ватри вручаваю, кое се затимъ до гнусности пофтораваю, преиначаваю, разчленяваю и на последку сувопарне бываю. „Ако (по Хуфенланду) купатила подмлађую тело, по класикери подмлађую духъ? — Енглези и Немци найвише су съ грчкимъ и латинскимъ классикерима и свима новіимъ езицима упознати (славянски изузимаюћи) пакъ опетъ зато имаю и они ньима сасвимъ властиту кньижевнос. Имали кои езикъ у Европи, кои бы способніи и више обвезанъ быо, да у тешнѣ приятельство и саюзъ са старима ступи одъ славянскогъ сасвима нѣговнма нарѣчияма? Имали међу

свима езицима икои другіи, кои бы за преводъ классикера способніи было одъ овогъ? Описивати могу и другіи дабогме, или обштимъ начертанияма подражавати, али управо преводити, то есть штилъ и характеръ оригинала, слободу у слаганю речи и стваранію периода, численость прозре и размеръ стихотворства са свимъ ньиовимъ свойствама у свой темель и землю пресадити, то они никадъ тако не могу као Славянски езикъ, когъ езикословница, словосочинение и слогоударение съ грчкимъ и римскимъ тако чудновато слаже се. Какву жалостну роллу морали бы Хорацъ, Виргилъ и Омиръ у француском, немачкомъ или енглескомъ преводу играти: а како лепо и сасвимъ у старинскомъ виду и садржаю, показую намъ се ови у ческо-славенскомъ преводу! Отуда се дае заключити зашто е и самимъ найвећимъ француским списательима н. п. Волтеру чисто мрско было славне оне херое классичне кньижевности на французски преводити. Позната Биронова мрзостъ прама старой грчкой кньижевности, кою е онъ за оковъ душевне силе и оригиналитета држао, имала е ямачно и іоштъ неки другіи узрокъ, кои бы ми естетическимъ поларитетомъ назвали, еръ онъ е романтически помодаранъ Антипода старе касичне кньижевне стихие было. Славистика напротивъ ни черезъ шта више недобыя, као чрезъ ученѣ стари классикера: зато нека бы се ови

у нашимъ школама подеднако предавали. Іоштъ е Хердеръ казао: „хвале славянске езике, да су за израженѣ туђи идиомата у свакомъ обртаю, у свакомъ прелазу способни! Важность стародревности и у томе се састои што насъ Славяне учи да нашу садашньость и народньи животъ познати научимо. Алъ опетъ зато могу намъ велики и претерани обожательи и почитательи стародревности млого шкодити. Задатакъ нашегъ изображеня ние само довольно уживанѣ иностранн производа; не, да ми кодъ насъ сбирку свию издаваеми изрядности оснуемо, него е поспѣшествованѣ развияня нашой нарави сходни свойствености. Добро е езике знати и говорити, алъ само да се шньима нема намере. Наравно е слѣдство, да се спрекомерним умножаванѣмъ туђи идеа и езика, движимостъ наши собствени умалява. Ученѣмъ само грчкогъ, римскогъ или каквогъ му драго другогъ туђегъ езика, и мустра неће ю се добити славянски крарнослови, стихотворци, повѣстници и. т. д., алъ врло поносни такови имаће се и безъ ови ако се кньижевна узаймностъ у сва племена уведе, и едно обште просвештенѣ свию душевни сила издѣйствуе се. Навадна кньижевность и навадна ученость, коя се само помоћу другіи народа подржава, и изъ унутарнѣ свое силе ништа душевногъ непроизводи, мртвило е народности и знаня. Ми морамо или сасвимъ престати быти Славяни, нашъ езикъ заборавити, духъ намъ народньи

променути, и нашемъ поставленю међу народима одказати, или ако то нећемо, то морамо нашу властиту књижевность и стихотворство чисто славянски завести и изобразити, ми нетреба такођеръ да іи съ грчкимъ, римскимъ не съ немачкимъ, францускимъ или енглезкимъ съ мешамо, єръ ће мо иначе само наказе и аветинѣ рађати подобно Хорациевомъ саставку у почетку „de Arte poëtica! Туђе и позаимлѣно изображенѣ, успѣванѣ и поправляня, коя се на историческомъ темелю народа неутврђую и брзо као наеданпутъ показуюсе, отргаваю народъ само одъ нѣгове прошлости, и укоренюю га на површной садашньости, и нити су у станю славну и дуготраюћу будућность утемельити. Новіи єзици напротивъ биће то исто и кодъ насъ што су и кодъ другіи, ствар приватногъ наставляня за оне, коима су ови нуждни, или кои іи само луксуза ради знати желе; но на никакавъ начинъ нетреба да и у школе уведемо. Суєтно воображенѣ добаръ Французъ, Енглезъ, Немацъ или Мађаръ быти, было є кодъ млоги Славяна главни узрокъ, да целогъ свогъ живота ништа славянски учили нису, да су оно више почитовали, любили и неговали што су имъ люди, неголи оно, што имъ є Богъ на путъ живота дао. Никадъ нетреба да заборавимо речи Балбина, Boh. Doct. I. „Ad peregrinas linguas condiscendas totius Slavicae gentis tanta est docilitas, ut haec ipsa universae genti exitium al-

latura videatur, et in terris quam plurimis jam attulerit.“ Естетическо и филологическо изображенѣ, кое намъ е ученѣ млоги новіи туђи езика дало, за цело ће намъ сама славянска нарѣчия богато и благодарно надокнадити.

§. 12.

Шта су досадъ были Славяни безъ ове узаймности.

Узмимо само безпристрастно повѣстницу преда се, то ће мо се некнмъ новіимъ себичнимъ, Славяне, ньиове езике и повѣстнике непознаваюћимъ и ньиовъ Славянски животъ башъ нинайманѣ непоняюћимъ немачкимъ историкерима (н. п. Гебхарди, Ротеку, Пелицу, Менцлу и др.) чудити, кадъ кажу: да Славяни нису никакву, или ако и есу, то су само подчинѣну мимогредну роллу на позоришту светскомъ играли, да су они само мнимо опредѣлениe и постойбину између остали европейски народа заступили, и да потоме едва позорности одъ повѣсти испитателя заслужую.“ — Зато поступаю у ньиовимъ списанияма ова Господа у дѣлу са Славянима, или немарльиво као съ некомъ маленкостћу, или врло презрително и увредително. Наочари своелюбия свакомъ су народу на носу, и крозъ ньи се сви догађаи па свету сматраю. Алъ съ найвећомъ поношльивости иде найвећа незна-

лица у поредъ.*) На ово незнанѣ Славянски дѣла, езика, списания, повѣстница, обичая и народа као на меко узглавлѣ наслонѣни, гледе обычно Немци на све Славяне са некимъ допадаюћимъ и у вредителнимъ самозадовольствомъ, презиру што они незнаю, и постаю чрезъ то исто тако смешни као негда Чинези, кои християнскимъ посланицима никако нису тели веровати, да и Европейци своє велике люде, юнаке, философе, стихотворце и законодавце имаю, шта више да іоштъ и читати и писати знаду! О дѣлма и нравима Славяна писали су іоштъ у найстаріимъ временма и сами ньиови найпристрастніи неприятельи и удручательи са неуздржимимъ удивлениємъ! Али и Германи немаю башъ толико узрока са ньиовомъ храбростѣу, ратовма, побѣдама и подярмльиванѣмъ поносити се, и на овима свою народню славу оснивати. Имаде побѣда кое су далеко хуѣе одъ пораженія, и пораженія коя су далеко славнія одъ побѣда. Да Славяни нису никакву другу заслугу за човечество имали, до ове, да су исторически познати дивіи варварски вандализамъ и готизамъ

---

*) Японези Тартари и другіи удалѣни Азиятски народи често болѣ познаю и праведнє суде о славянскомъ езику и книжевности, него наши найближи суседи и браћа Немци. Державна виспрена Ода Богу преведена є съ рускогъ на японски, хинейски и тартарски езикъ, и виси са златни слови на свили написана у ньиовимъ храмовма и палатама: у немачкой незна се за ту Оду, непознає нѣнъ сачинитель.

стари Германа само своіомъ силомъ преломили, своіомъ трпѣливостѣу и благостѣу умекшали, своіомъ крвяю и радиностѣу ньиову „тиху и дѣятелну садашньость“ тако укротили и учовечали, какова е сада, само та была бы велика и безсмртна! *) Или можда заслужуе то у Истории позорности и славе, кадъ когодъ друге невине народе и езике столѣтолѣтно мучи, майсториомъ уничтава или подярмлюе? Изрядни еданъ немачки списатель (Велкеръ)

---

*) Найславніи немачки езикоиспитательи признаю съ благодарностѣу, да е саданьи изображени ньиовъ книжевни езикъ изъ Саксонскогъ именито Мейсничкогъ нарѣчия произишао, срав. Аделунгъ, о немачкомъ штилу, Берлинъ 1800, С. 43.

„Schon bei ihrer ersten Gründung in dem südlichen Sachsen verbanden sich verschiedene Umstände, welche ihr als einer künftigen Schrift-und National-Sprache, überaus günstig wurden. Ihr urspringlicher Grund und Boden war von Wenden (Slawen) bewohnt, welche wegen ihrer feinen und zarten Aussprache bekannt sind. Man urtermengte sie mit Colonisten aus Nidersachsen, Franken und Oberdeutschen, und da diese sämmtlichen Mundarten hier gewissermassen zusammen flossen und durch die feine wendische Aussprache gemildert und erhöhet wurden, so entstand dadurch schon sehr frühe eine gewisse Mittelsprache, welche am wenigsten von den rauhen Eigenheiten der übrigen Mundarten an sich hatte. Daher rühmen die schwäbischen Dichter schon um die Mitte des 13. Jahrhunderts den süssen Sang des ältern Meissners: daher lobt Hugo von Trimberg die Meissner, dass sie die Wörter unvermischt und unverstämmelt aussprechen.“ Одъ Винда произилази и тако названи певзюни говоръ.

назива ово „немачкомъ самохвалности, кои радо сами своє и туђе пороке покриваю, шта више и за добродѣтель іоштъ приписую и толкую.“ — Непристойно є кому несрећупребацивати у коюсмо га сами бацили. Народу Славянскомъ кои половину Немачке сачинява, нити се може нѣгово понемченѣ, нити робство, нити пакъ као што се каже нѣгово отрицателно и страдателно биће пребацити, єръ ово є само чрезъ прве проузроковано и произведено. Ни єданъ прави Славянинъ, ни єданъ Хердеромъ човечностћу одушевлени Немацъ неће и неможе се одъ туге при помислу уздржати, да є єдно тако израдно дрво Славянства своєвольствомъ и силомъ суседа своє круне, свогъ цветаня, развияня и свои плодова лишено. Текъ чрезъ Славяне є Немачка то постала што є данасъ, чрезъ ньи се є повећала и оячала. Помислимо како бы мала была Немачка безъ ти свию понемчени Славяна одъ острова Риге и Померна пакъ до Майсна, Лужице, Бамберга и. т. д. Хелмондъ и Адамъ одъ Бременъ наводе до єдно 30 понемчени Славянски племена и народа. Двадесетъ и три немачка цара одъ Карка Великогъ пакъ до Хенрика IV съ неизбройни кралѣви и князеви одъ год. 800 до 1190. радили су на ньиовомъ обезнароћеню; „жалостна є судбина Славяна, вели немачки списатель Волтманъ у своіой Исторіи Немачке, Гетингъ 1798, Части I.“ — да су одъ Немаца Маћара и Нормана

предупређени своє просвештенѣ довршити, коє се кодъ ньи тако свойственно вѣчъ развило было. Каже се да су Грци, ова смеса одъ племена и нарѣчия опетъ и при самомъ ньиовомъ разцеплѣню и маломъ числу богати датакъ свои художества и грађански добродѣтели, свои стихотворения и краснорѣчия човеческомъ роду давали. Єсть истина! алъ Грке ниє само кньижевна узаймность скопчавала, него іоштъ и храмъ у Делфи, Амфикционски судъ, Олимпия за свечане борбене игре и Ахеіски саюзъ, кои є у случаю нужде сва племена саединио: наше Делфинске храмове-Ретру и Аркону — разорили су, нашъ Ахеіски саюзъ подъ Само и Сватоплукомъ разкинули су одъ части европейске одъ части пакъ азиятске чете. Неправедно є, при непрестаной промени времена и просвештения єднакости или поФтораваня лепога искати: ни кодъ сами Грка ни Римляна иеће више старо воскреснути; шта више и непристойно є кадъ єданъ народъ кои други пита: гди су вашн Шекспирн, Вортери, Рацински, Кувири, или гди су вамъ вашн Виланди, Шилери, Гете, Фихте и. др. Ми іи немамо одговарамо ми, алъ гди су вама наши Коперники, Коменски, Гундулићи, Државини, Воронићи, Добровски, Обрадовићи и. м. д. и. м. д. — История има друго више значенѣ, и опредѣлениє, него нама само о биткама, войнама, крвопролитию, побѣдама и подярмльиваню приповедати; она

има преставити божествено света правление, то есть показати, како родъ човечески подъ провидѣниемъ Божества стоећи све више къ болѣму то есть доброму спѣшити мора; она намъ показати има, да се свако зло и неправда, коя е чрезъ люде или народе кадъ годъ учинѣна временомъ опетъ на ньи саме повратити мора (Немезисъ), чимъ се после доброме наново могућность подае, появити се; она намъ има изложити несигурность унутрашнѣ и споляшнѣ разрѣшаванѣ такови дружевни или народньи отношения, при кои утемельиваню и образованю ние право и правица него партайство и сила владала. Као Омировъ Зевсъ гледи и она са равносправедльивимъ окомъ како на оне у крви огрезнуте и грабежомъ обтерећене, тако и на оне зноявне народе, кои се тио и спокойно плодомъ свои ньива и млекомъ свои стаада ране. По полезнимъ заниманиями и художествама, по нравима и законима, по играма и песмама учимо народе заиста дублѣ и болѣ познавати, неголъ на бориштама и варльивомъ путу политическе Историе. На овима редко видимо што друго, него, како е кои народъ убияо или се убияти давао: у онима учимо како е живио, мислио, осећао и веселио се; овде видимо само тело народа, тамо можемо нѣгову душу познати. Времена су се яко променула; воздухъ, съ коимъ нова наступаюћа Епоха просвештения долази, светъ е изъ далека овеяо.

По основу старо-германскогъ просвештения служило е за славу многе люде заробити и за своє слуге учинити; такови угнѣтатель називао се юнакъ или сердаръ, нѣгова пакъ дѣла юначество или сердарство; своє слободе лишени робъ бывао е презиратъ, исмеяванъ и поруганъ: садъ е обратно, по саданѣмъ ако намъ се допада рећи Славянскимъ осмотренѣмъ света и просвештения максими не спада поруга толико на роба, колико на онога, кои га е таковимъ учинио, не толико на угнѣтеногъ колико на угнѣтателя и слободе нарушителя. *)

Негледаюћи на то морамо ми Славяни кассателно и насъ сами истину, и то жалостну истину признати и исповедити, єръ безъ ове ние намъ могуће доћи до спасителногъ споразумѣния и поболшаня наши несавршености. Ми смо Славяни голняти у землѣписима и маппама, али кепеци и кржлявци у художеству и кньижеству. Две велике погрешке и недостатка прилѣплявале су се за Славяне до данасъ, єдно што су се споляшнѣ као єданъ сасвимъ изолирани народъ сматра-

*) Славянскимъ називамо ми ово основоположениемъ просвештения, єръ га кодъ Славяна іоштъ у найстаріимъ времениа налазимо: срв. Леона Тактику и Маур. Штратег. К II. „Славяни нису своє зароблѣнике у вѣчномъ робству држали, него су нимъ опредѣлили време, после когъ су се одкупити, своимъ кућама вратити или кодъ њи у слободи заостати могли.

ли и одъ света за сасвимъ одцеплѣне држали, гди напротивъ ни єданъ народъ толико права и способности нема, себе къ великой фамиліи европейски народа тешнѣ прилюбити и на обштемъ развияню и негованю виши животни стихия дѣйствителногъ участия имати; друго, што у нутрашнѣ и између себе славянска ова племена и нарѣчия (наравно понайвише поводомъ и содѣйствиємъ страни) нису ниукаквомъ народномъ сношению и узаймномъ послованю была, него є свако и найманѣ племе себе за особени народъ држало. Іоштъ се Іоз. Волтіги съ врхъ тога у своме Речословнику стр. 11. тужіо. „Hoc esse Slaviae exitiale fatum videtur, quod unusquisque ex ejus populis se a religuis et a genere primigenio prorsus sejunctum, et omnem dialectum esse linguam falso putet.“ Ето узрока да немамо никакве Историе, него само История и Историца одъ 40 — 50 различни Славянски племена; текъ кадъ помоћу узаймности народню кньижевность установили и имали будемо, основаћемо єдну обштенародню Историю, коя ће све части и сва племена у себи садржати и єдно цело сачинити; отудъ имаде толико Славяна, кои сасвимъ равнодушно на ходъ времени приключения гледе, и кои пуштаю да све како доће тако и проће, єръ они мисле да башъ никаквогъ позива немаю у коло времена и европейскогъ живота уфатити се; отудъ кодъ неки племена ниско и безпонятно осмотренѣ

По основу старо-германскогъ просвештения служило є за славу млоге люде заробити и за своє слуге учинити; такови угнѣтатель називао се юнакъ или сердаръ, нѣгова пакъ дѣла юначество или сердарство; своє слободе лишени робъ бывао є презиратъ, исмеяванъ и поруганъ: садъ є обратно, по саданѣмъ ако намъ се допада рѣчи Славянскимъ осмотренѣмъ света и просвештения максими не спада поруга толико на роба, колико на онога, кон га є таковимъ учинио, не толико на угнѣтеногъ колико на угнѣтателя и слободе нарушителя. *)

Негледаюћи на то морамо ми Славяни кассателно и насъ сами истину, и то жалостну истину признати и исповедити, єръ безъ ове ниє намъ могуће доћи до спасителногъ споразумѣния и поболшаня наши несавршености. Ми смо Славяни голияти у землѣписима и маппама, али кепеци и кржлявци у художеству и кньижеству. Две велике погрешке и недостатка прилѣплявале су се за Славяне до данасъ, єдно што су се споляшнѣ као єданъ сасвимъ изолирани народъ сматра-

*) Славянскимъ називамо ми ово основоположениємъ просвештения, єръ га кодъ Славяна іоштъ у найстаріимъ временма налазимо: срв. Леона Тактику и Маур. Штратег. К II. „Славяни нису своє зароблѣнике у вѣчномъ робству држали, него су имъ опредѣлили време, после когъ су се одкупити, своимъ кућама вратити или кодъ њи у слободи заостати могли.

ли и одъ света за сасвимъ одцеплѣне држали, гди напротивъ ни єданъ народъ толико права и способности нема, себе къ великой фамиліи европейски народа тешнѣ прилюбити и на обштемъ развияню и негованю виши животни стихия дѣйствителногъ участия имати; друго, што у нутрашнѣ и између себе славянска ова племена и нарѣчия (наравно понайвише поводомъ и содѣйствиємъ страни) нису ниукаквомъ народномъ сношению и узаймномъ послованю была, него є свако и найманѣ племе себе за особени народъ држало. Іоштъ се Іоз. Волтіги съ врхъ тога у своме Речословнику стр. 11. тужіо. „Hoc esse Slaviae exitiale fatum videtur, quod unusquisque ex ejus populis se a religuis et a genere primigenio prorsus sejunctum, et omnem dialectum esse linguam falso putet.“ Ето узрока да немамо никакве Историе, него само История и Историца одъ 40 — 50 различни Славянски племена; текъ кадъ помоћу узаймности народню кньижевность установили и имали будемо, основаћемо єдну обштенародню Историю, коя ће све части и сва племена у себи садржати и єдно цело сачинити; отудъ имаде толико Славяна, кои сасвимъ равнодушно на ходъ времени приключения гледе, и кои пуштаю да све како доће тако и проће, єръ они мисле да башъ никаквогъ позива немаю у коло времена и европейскогъ живота уфатити се; отудъ кодъ неки племена ниско и безпонятно осмотренѣ

света и живота, єръ племенитиє и слободниє таково осмотренѣ образує се само у некой известной висини и виспреиимъ отношенияма, кадъ се то єсть поєдини люди и племена умислима съ верху потребе свога властитогъ живота узвисе, и явногъ интересса свога народа живо прифате се. При бѣдной себичности неприятельствуюћи племена и свестраногъ цепленя граница морала є свака виша мисао и душевна сила угасити се, будући су соплеменици свуда само оно нешто и маловажно уметати къ тели, што є ньима самимъ свойствено было. Да су се све ове мале државе и племена, ако и не политичечки као Немци подъ ньиовимъ церевма, а оно баръ душевно и у народности саюзила као Грци, то бы онда сва появления кодъ ньи већи характеръ, снажниє впечатленѣ, слѣдователно и силниє втечениє на Европу добила была. Народъ мора крозъ Историю, а не История крозъ народъ да иде; съ разцѣплѣнимъ силама то є немогуће. Животъ великогъ єдногъ народа нетреба само физично биће, и съ овимъ у саюзу стоєће землѣдѣлиє и радиность, него и виши животъ изображености за предметъ да има. Отуда є место коє ми до сада у свеобштой Исторіи заузимо, одъ прилике слѣдуюћегъ садржая. „У Европи живи єданъ стародревни одъ већъ велики изъ више одъ 80 миллиона душа состоєћи се народъ, кои се са своимъ благимъ наравима и слободолюбиємъ, своимъ

трудомъ и прилѣжностѣу, трговиномъ, землѣдѣлиемъ и рудокопнимъ наукама одъ свию другіи одликуе, мудри глава не мало число брои, и у рату између найхрабріи числи се, алъ тай е народъ разделѣнъ и разкомаданъ на безконечне Атоме, онъ самъ себе непознае и неосећа, мрзи и бори се између себе већъ одъ више столећа и ништа друго неради, него отуда задате и добите свое ранне лечи; хвали, купуе и тежи само за туђимъ; онъ само не-Славяне почитуе, не-Славянска Списания чита и превађа; са своіомъ децомъ поступа онъ ладно и немарльиво као маћия съ пасторци. И башъ зато што сами себе нису умели познавати и почитовати, и што су ниска понятия о себи имали — постала су млога Славянска племена затуцанимъ бадаваджиямá, — нису имали силу явне речи, и бивали су често своимъ опредѣнию невѣрни, еръ при ньиовимъ разцепленю што велико нису могли предузети, што мало нису тели; шта више често су тако малодушни были, да нису мислили, да на прамъ другимъ народима они несмеду казати да су люди, народъ и да каквогъ права имаю.

§. 13.

Нужда ове Узаймности за велико опредѣление Славяна, кое имъ течение времена и редъ народа налаже.

Животъ човечества есть развиянѣ разу-

ма, или развиянѣ унутарнѣгъ света у човеку. Народи су форме у коима се човечество развия и образуе. Цѣлъ е дакле човечества свагда напредъ корачати; оно нерачуни своє путуве на кораке, сатове и милѣ, него на дужине, столећа и епохе. У готовности налазећа се знаня, откровения, изобретения и искуства, коя е еданъ народъ или едно столеће себи прибавило, остаю, кадъ овогъ нестане другоме, кои ће іи такоћеръ далѣ продужити, разпространити и опетъ будућности предати. Свакіи доцніи народъ као млаће появление човечества, немора да опетъ спреда починѣ, или да на свакомъ ономъ степену просвештения задржава се, на коме су пређашньи народи злостали были, онъ мора само животъ предака свои да далѣ развие и больма у савршенствуе. На развалинама свои праотаца нека зидаю потомци здание у савршенствования све више. Али ово усавршенствованѣ и просвештение као производъ душевни сила, мора се поразличности дужина, кое човечество пређи има, свагда и различно образовати. Остарелостъ света нѣгово е помлаћенѣ: само у мрачной и тавной прошлости налазимо ми ключъ, за загонетку нашегъ данашнѣгъ станя. Сваки народъ, кои се механичнимъ нагономъ противни отношения къ самодѣятелности узвиси и у душевномъ животу участвовати желі, мора се пре свега трудити, да се къ слободномъ и ясномъ сматраню светскога

реда (Weltordnung) подигне, да бы тако своє место у целости, своє положеніє према другимъ народима и свой задатакъ, кои му Исторія и време за будућность налаже, као съ неке висине прегледао, своє опредѣленѣ познао, крепкомъ рукомѣ обуфатио га и тако сигурно напредъ корачао. Судбина народа нетреба да се слепомъ случаю и струи догађая преда, него разумъ, као прво и найвиспреніє орудіє божественногъ светаправленія, треба да лађу, коя судбину истога носи, крозъ волне и преливе къ опредѣленомъ месту води. Ніє само нагонъ нарави и наравно право, него є и дужность разума према єдномъ народу, да нѣгово быће на праведанъ начинъ осигура, у нѣму живеће силе по нѣговомъ човеческомъ положенію развиє, нѣговъ начинъ живленя явно исповеди и уваженіє му задобити потруди се. Како се єданъ велики и богатообдарени народъ на овай начинъ у свѣту поставио буде, то мора онъ найпре велики планъ своє Исторіє сочинити и извести, да бы тако место, на коєга є провидѣніє поставило съ честѣу задржао.

После грчкогъ и римскогъ падения, постали су германо-римски народи и єзици носиоцо просвештения. Али стихие просвештеня разделиле су се кодъ ньи на два основоположения и то тако яко и преко, да су се са именама старогъ и новогъ света, старогъ

и помодногъ времена разликовати морале. Старо основоположение у художеству, науци и просвештению по превосходству есть без. божничко-народно (heidnischnational) одъ Грка и Римляна произлазеће, кое, ако по себи и есте изрядно, то опетъ на свагда остае едностранно. Помодарно, романическо, сердарско и чувствително основоположение есть германско-христянско: оба су већъ у своимъ разлучномъ теженю човечеству изслужила и изумрла. Єдно обште чисто човеческо теженѣ зактева саданѣ време и узрело човечество. Овай велики задатакъ може само еданъ велики новопросвештени и у старимъ формама неотврднути народъ, као што е садъ Славянски рѣшити. Мали народи мисле и чувствую само тако рећи у полакъ, њиове мисли и чувствованя имаю кратка крила, или они се напоследку наглимъ усиливанѣмъ разкрваве тако, да и оно мало просвештеня, што су човечеству оставили, трагъ насилия противъ другіи народа съ коима су оячати и умножити се къ тели, и вообште извѣстну неку усилѣну ненаравну черту на себи носи; напротивъ велики народи, кадъ се еданпутъ за душевни животъ пробуде, подижу се до небеса, и цео родъ човечески обуфатаю, и то све лако, наравно, безъ удрученя и насилия противъ другіи народа. Наравъ човеческа, коя е кодъ поедини люди као и кодъ мали народа и племена понайвыше свезана, слаба и ограничена,

или се само као такова у слабимъ своимъ изразима показуе, развия се млогоструччно и у пуной красоти само кодъ они велики народа, кои се за херое мишленя, осећаня и дѣланя у художеству, кньижеству и животу изобразе. Слѣдователно ништа него Узаймность показаће намъ величину нашегъ опредѣления у реду народа и столећа, и начинъ дати, коимъ ћемо до нѣга доћи моћи; она ће силе народа нашегъ саюзити, узвисити и поединимъ племенма надежду и храбрость улити, да се неђеду плашити, укрилу свога великога народа такођеръ и велика мислити и чинити. Чувство таквогъ народногъ усоединения кодъ Славяна, условие е чисто човечногъ величественогъ просвештения и народне кньижевности. Славяни треба да старо време съ новимъ помире, обе разлучене стихие просвештеня у свой народньи животъ приме, и дальимъ своимъ усовршенствованѣмъ нову Епоху за родъ човечески утврде; они треба за ново и подмлађуюће се просвештение човечества, да ново и живо средоточие осную. Између старогъ и новогъ времена велика е противность, коя сада изравнаня и помиреня потребуе. Стари Грци и Римляни были су богати у реалитету, у природи, красоти и естетики: новіи пакъ у идеалітету, духу, истини и логики: они су имали стихотворство, уметность зиданя, светковине: ови музику, знанѣ, математику, наравословлѣ, бродарство, трговину

и ратъ: стари су имали више чувствителности, фантазие и вкуса, ови више памети и чувства: укратко кодъ стари е обѣктивностъ кодъ ови субѣктивностъ, тамо е владао основъ мужества, овде влада женства. И сами езици тамо су се другоячие него овде организирали. Кодъ Грка и Римляна е благогласие, богатство у склонениима, различность у падежима, численостъ и слаганѣ периода у прози, размѣрно слогоударение и складноѣть у стихотворству: у германско-римскимъ пакъ езицима е суровостъ и неправилностъ, изопаченостъ у корену, нарушенѣ изговора, *) симацтво у склонениима, досадна равногласна окончения, численостъ членова, дугоописивајући спомагателни глаголи, неприятно звечећа бѣдна прозодия съ жалостнимъ часъ уво часъ око вређајућимъ складногласиемъ. У старимъ езицима пратило е гласомѣрие (предметно слого и временомѣрие) знакоупотребление (подложно временомѣрие) узастопце: германско-римски езици имаю само едностранни подложни животъ. — Пластика представно израженѣ тѣлесни красота (н. пр. Венусъ, Аполло) има неке известне границе савршенства, кое ће време едва далѣ разпространити

*) Тко бы по енглескомъ начину читаня и изговора ове Виргилске версове за латинске држао;

Taitiri tjuh petschjulih rikjubän sôb tegmini fehtshei?
(Tityre tu patule recubens sub tegmine fagi).

моћи: напротивъ душевна сила, стихотворство, естествоиспитание, философия и т. д. може и треба да се съ временомъ све више у савршенствує. И опетъ є романтично основоположение чрезъ више вѣкова не безъ ползе и слѣдства за човечество съ народима управляло; оно є произвело сердарство, християнску богобоязльивость, снисходителность, любавь, нѣжность, надежду, чезню и млоге друге добродѣтели; али у новие време изгубило є оно скоро сасвимъ свою важность, и найвећи ударъ задала му є Биронова муза, будући се у противунаравность и тугальивость, после у празнословлѣ и безсвестицу, напоследку у прекомерностъ, затегнутостъ, раздражителностъ и грозничавостъ, укратко у изопачени Бironизамъ прерушило. Преизображеность, преситость, и отудъ неизоставно слѣдећа уморность духа и чувствостваранѣ есть дакле характеръ нашега века. Цервантъ у своимъ Донъ Кижоту а особито Биронъ самъ у персони и нѣгови послѣдовательи, провели су помодно болешльиво своє основоположение слѣдственно до своګъ савршенства. Ако оће мо поетически или у обште естетически да на нашъ вѣкъ дѣйствуємо, тога морамо продрмати, подпалити и лакрдияма престравити кано што су на примеръ: Robert der Teufel, der Freischütz, die Ballnacht и. т. д. Брза и ненадна промена найвећегъ восторга съ лакоумнимъ и смеянѣмъ найсветіи ствари; срд-

цецепаюћа начертания човечески бѣда са безпризрителномъ ругомъ прама целой човеческой природи, прама створеню и створителю; естетическо тирянство, кое се само у томъ задоволява, да душу читателя или гледателя крозъ ватру и ледъ, смей и плачъ, любавь и мрзость, милосердие и грозу, стидльивость и безстидность, добродѣтель и порокъ, небо и пакао, укратко крозъ све крайности са безаконнимъ сиграчкама а често и са некимъ особитимъ ђаволскимъ подсмеіомъ безъ престанка натерива: то е саданьи чрезъ изопаченѣ романтическогъ основоположения преведени, прекомѣрноуображени духъ времена. Ови су помодни стихотворци у естетики то, што су мечтательи у вѣроисповѣданию: они су после затупленя наравни чувствованя найнѣжние дражести биђа у страстнодушевномъ усхиђеню открили, и оставили природи, коя за ньи више нема соли и мирођия, да тамо іоштъ наслаждение приятнимъ, а просвештенѣ слађимъ нађе и учини. Французски стихотворацъ Ламартинъ сгодное ово доба у персони свога представника Бирона представио, будући га е слѣдуюћимъ начиномъ опояо;

„Ноћъ есте нѣговъ светъ, пунъ зиме и вруђине,
А пустиня палата, тронъ пакъ врхъ пећине.
Одъ развалина бродокрушения, крвлю
Оскверпѣнъ — — — — — — — —
Онъ лети густомъ лугу, страшномъ врху брда,
На коемъ кућу свою изнадъ бездне зида,

И само ту окруженъ костма трзаюћимъ,
Обдимлѣнъ црномъ крвлю с' брда капљаюћомъ,
Похотомъ сладкомъ срдце грабљивости крыкъ.
Успава буромъ люлянъ радостни га кликъ.
Ти разбойницымъ раванъ, што у зраку кече,
Биронъ, ти любишъ песме, очайно кадъече,
Твой игроказъ есть ужасъ, човекъ, кадъ га колю,
Твой мери врашкіи взоръ по пакленоме полю.

И найновия музика подлегла е већъ по већой части овой обштой зарази духа времемена, и у ньойзи се показуе биронизамъ; отуда е оно претоварено, крчаюће, затуплѣно и на сваки іоштъ могући начинъ голицаво чувство и слухъ у маньимъ представленияма; отуда е оно шумиво, дрекаюће, викаюће, заглуньиво, небо и землю нападаюће у операма и другимъ већимъ представленияма, съ коима као да неће да се побуди, него у правомъ смыслу да се тело и духъ заедно и наеданпутъ потресе. О найновиіой немачкой философіи умствуе еданъ почитания достоянъ списатель у кньизи: Spiegel eines wahrhaft christlichen Kirchenaufsehers, овако: „На жалость имаю наши немачки философи пре свию другіи ту срамну честь, да атеизамъ, (безбожество) кои е кодъ Француза недовршенъ и у молой важности быо, по шлолама преповедаю, и у редъ другіи науке уводе. Шелингияни нису по срећи тако послѣдствени, као што е теория ови философираюћи саняра и бунцача.“ Таково вѣжество као стихотворство или ка-

кви му драго другіи производъ просвештения, кои се у томе састои, да чрезъ грчевита секаня и повлачеѣа се страховита представления или обсене потресе, неможе народе до нови животодвижения довести, него іи само іоштъ више уморити. Полетъ помодарности свою е мету достигао, и ми се морамо опетъ къ средоточию повратити. Старе форме просвештения пропадаю и пропасти мораю, оне су се веѣъ яко съ узиле и яко ослабиле: новій изгледи и форме оживляваю, нови канали просвештения отвараю се, и ништа ние у стаию да струи подмлаѣуюѣегъ се просвештения и новогъ осмотрения света на путъ стане. Свака крайностъ, бицарерия и льигавство, коя изъ омразе, досаде и излишности болѣга произилази, и оне природомъ прописане форме оставля, естъ знакъ ослаблѣногъ вкуса и клонеѣегъ просвештения. И ако се ние помодарни духъ времена свуда тако яко обяснио и тако грозовито показао као у енглезкой кньижевности, то е онъ опетъ и кодъ другіи народа манѣ или више неправъ, грбавъ и претеранъ правацъ узео. Да неговоримо о безбожной продрзльивости Волтера, нити о човеконеприятельской просвештения мрзости Руссова, нити на последку о Хегелизму найновие философие: и сами найвеѣи немачки стихотворци морали су духу времена данакъ платити, и они нису одъ нѣговогъ уплива сасвимъ слободни были. И найвеѣи мужеви свагда су

са своимъ столѣтиемъ чрезъ какву слабость свезани. Први немачки епосъ Клопштокова месіяда, ова трептећа ледена палата, као што е Жанъ Паулъ Рихтеръ назива, ние ништа друго, него цигла подложность, коя е у заносу стихотворномъ и сентименталномъ самоуживаню свой предметъ прогутала; слѣдователно е то епическо противурѣчие, зато и има само мало читателя, кои бы стрпѣние имали целу ю прочитати. И сама дѣла „Räuber“ одъ Шилера, и „Werther“ одъ Гетеа, бироническа су, то есть преразгражена, и текъ доцніимъ увиђанѣмъ и продуженомъ пазльивости изишло е обоима за рукомъ, те су се мало нешто одъ духа времена одтргли. Шилерове изрядне драме и песме, есу при свемъ томъ опетъ са умствованяма, мудрованяма, изряднимъ изреченияма и идеалитетима, у кратко са подложностѣу стихотворца испунѣна. Сачинительи Пародия Шіллерови — и Гетеови Ксения опояли су одма подъ насловомъ: Найновие Немачко стихотворство:

„Просторъ и часъ пѣснички списанъ е: чекаймо само

Кантову критику некъ сложе у Хекзаметровъ стихъ.

Само за сублимирану паметъ есу ове песме.

Поредъ философие свой чине и чиниће тыскъ.

Да си и ты Овиде, преестественно ко Шіллеръ

Пѣвао, небы те Римъ, изгнао быо на вѣкъ

Неки новіи художественици и списательи само су се тимъ начиномъ могли одъ ове прилѣпчивости спасти, да су ньиово време оставили и себе или у древность преселили (као Винкелманъ Канова) или у будућность пребацили (као Хердеръ Хумболдъ, Валтеръ Шкотъ и др.). Найновие кньижество и стихотворство европейски народа утопило се већъ у потопу политике.

§. 14.

Способность Славяна за изпуненѣ овогъ опредѣления у путу Узаймности.

Да неговоримо о споляшньимъ поспѣшнимъ обстоятелствама, коя ову Узаймность већъ физически и материялно осниваю и достиженѣ тогъ опредѣления можнимъ чине, да ненаводимо масивну величину народа Славянскогъ, по коіой онъ одъ прилике десету частъ целогъ човеческогъ рода чини, єръ онъ преко 80 милліона душа брои, кои споєна сила већъ по себи и чрезъ себе млого є учинити кадра; да не споминѣмо нѣговъ велики просторъ, по комъ онъ све скоро части света и

то не у маломъ числу и разсуто као Енглези и Немцы, него у великимъ гомилама поселява, и заузима: половину Европе, трећину Асиє и знамениту частъ Америке; да пређутимо срећне положає и смештеня, по коима онъ у среди између Европе и Асиє стоећи сунцу подобно на лево и на десно, къ востоку и западу, къ сѣверу и югу зраке просвештеня просипати може; да неспоминѣмо нѣгово разгранатиє, скопчаность и сплетенѣ међу собомъ и съ другіи народи, чрезъ коя онъ лако на друге дѣйствовати, и своимъ многостручнимъ изображенѣмъ подупирати іи може; друга више унутарня и мавѣ позната обстоятелства мн ће мо овде навести. Кодъ другій народа обычно є сила душена или угнѣтателница или предходница свию другіи; духъ Поезиє наклонѣнъ є кодъ другіи народа часъ више чудноватоме (Шпаньолцу); часъ страстноме (Италіянцу), часъ оштроумию и учтивости (Француза), часъ къ философичномъ и шпекулативномъ (Немцу); кодъ Славяна као што ньіове досадашнѣ народнѣ песме и вештина стихотворна сведоче, чини се да є Поезия такови єданъ производъ, у комъ подъ заставомъ фантазиє све друге душевне силе равну часть узимаю. Кодъ другіи народа често є глава одъ срдца тако отделѣна, да се читателю крила уморе съ єдногъ на друго прелетаюћи: Славянинъ мисли и чувствує у єданпутъ, у храму славе полюбила су се ова два гения човечества, и изъ ньиовогъ брака надеждно

роднѣе се за целу душевну будућность савршенiи животъ, у комъ ће се идеалъ човечества у наймогућнiой подпуности представити и у дѣйствовати. *) И ово нека буде єданъ одъ они узрока, зашто нашъ народъ тако споро и тешко у просвештению успѣва: онъ то єсть носи на Олимпъ у єдной котарици заєдно све оне дарове и блага, кои му є небо поклонило, одъ кои су другiи само по гдикою частъ носили. И ово се дає изъ сасвимъ наравни узрока доказати. Другiи су народи по правилу само съ єдномъ климомъ свезани и живе подъ єднымъ поднебиємъ, подъ коимъ се чувства часъ у сѣверной студености смрзаваю, а часъ у южной препеки запалюю и гору. Само Славянски народъ живи подъ свима поднебияма, тамо му є Камчадалацъ, Лапонацъ, Самоедъ, овде Италiянацъ, Гркъ и Арапинъ сусѣдъ. И ово съ годно обстоятелство осветлює сваки угаль, развия све боре нѣгове душе, разиграва и удвижение доводи све жиле и зглавкове нѣговогъ живота. Єръ сваки поєдини народъ єсть поднебни органъ изображения, особито пакъ стихотворения; Италиянско стихотворство показує юначство и сваки поетически предметъ сасвимъ другчиє,

---

*) Єданъ Славянскiи Дистихонъ опредѣлява путъ или време европейске книжевности слѣдующимъ начиномъ: утро виаю Славяни, данъ Немцы, подне Енглези, ужину Французи, вече Талияни, ноћъ Шпаньолцы.

него Шкандинавско, гди све едномъ по сѣверномъ характеру обоядисаномъ виду показуе се, кое не-Сѣверцу неприличи. Славянско стихотворство досадъ е у найразличниемъ виду цветало. У славянскомъ народу стицаю се и све християскогъ закона партае, цркве, секте, и вѣроисповѣдания, ту има Православни, Римокатолика, и Протестанта тако, да се узаймно допуняваю, съ едне стране духъ съ млогимъ чувствованияма и строгимъ придржаванѣмъ положителнога испуняваю, а съ другеопетъ изтраживаюћи разумъ све наново побуђую и занимаю, и као бореће се силе напредованѣ рода човеческогъ къ вишему изображению подпомажу. Кодъ другіи европейски народа заузима и влада една црква съ малимъ изятиемъ надъ читавимъ народомъ, и дае му обично едностранни правацъ, будући она у нѣму чувство художества или трошкомъ памети, или ову трошкомъ онога изображава. *)

---

*) Einem romantischen Volke (пише Шіллеръ у своіой Исторіи о одпаду Нидерландске) das durch eine üppige, immer junge und lachende Natur und die mannigfaltigsten Zaubereien der Kunst in einem ewigen Sinnengenusse erhalten wird (као у Италіи) war eine Religion angemessener, deren prächtiger Pomp die Sinne gefangen nimmt, deren geheimnissvolle Räthsel der Phantasie einen unendlichen Raum eröffnen, deren vornehmste Lehren sich durch malerische Formen in die Seele einschmeicheln; einem Volke im Gegentheil, das durch die Geschäfte des bürgerlichen

Треће обстоятелство кое Славянима за оно велико опредѣление свойства подае, и за створителѣ нове епохе просвештения способнимъ быти чини, есть ньиовъ езикъ, у комъ се сва преимущества стари и нови езика саединяваю. О преимуществама и изрядностима славянскогъ езика ние одъ потребе говорити; не зато, што е одъ како се народъ пробудио и къ себи дошао у млогимъ списанияма похвальиванъ, него што нѣгова изрядность нити каквогъ доказателства, нити похвале потребуе. *) На неки скоро чудновати начинъ кон-

---

Lebens zu einer undichterishen Wirklichkeit herabgezogen, in deutlichen Begriffen mehr als in Bildern lebt und auf Unkosten der Einbildungskraft seine Menschenvernunft ausbildet, einem solchen Volke wird sich ein Glaube empfehlen, der die Prüfung weniger fürchtet, der weniger auf Musik als Sittenlehre dringt, weniger angeschaut, als begriffen werden kann, kurz die Katolische (разумева се римо-католичко) Religîon wird im Ganzen mehr für ein Künstlervolk, die Protestantische mehr für ein Kaufmannsvolk taugen.“ — Православна црква могла бы у среди међу ове обе поставити се.

*) Види Беліуса Грамм. Слав. 1746 предговоръ §. 10. Experiundo conductus sum omnium Europae linguarum decora non aemulari modo, sed vincere etiam unam Slavicam posse. Neque enim Hispanicae gravitate majestateque; blanditie ac facilitate Gallicae; Anglicae sublimitate, efficacitateque; Germanicae sensus et eme phaseos ubertate; lenitateac suavitate Italicae; deniqu-

центрираю се у славянскомъ езику такођеръ и обе прозодие стари и нови езика; онъ има найсавршение класично грчко-римско размѣрѣ, онъ има германско-римско гласоударение, и по оба ова основа праве се у нему безъ сваке тегобе стихови, онъ се слободно и чисто съ некомъ лакостѣу у обоимъ овимъ елементима, у свима стихотворнимъ формама и начинма савия, и тако чрезъ двогубо ово предметно-подложно слогоударение саюжава онъ и обе изображености стихие старогъ и новогъ вѣка. Хексаметеръ и Александринеръ *) Пентаметеръ и Штанце, **) зафичка и алкеичка метра и соннете, ритмусъ и временомѣрие, у нѣму се даю добро певати. Онъ саюжава логическу прецізію новіи езика у Прози са онимъ музикалнимъ ходомъ, какови су стари

Hungaricae imporiosa severitate quidquam concedit, ita absolutarum est qualitatum, si viri ea utuntur docti, eloquentes et ad socialitatem nati efformatique.

*) Шестоножни ямбически у правилу складногласни стихъ съ одцекомъ на среди, чимъ се одъ Триметра разликуе. Онъ се одъ половине 12. и у почетку 13. столѣтія употреблявао. О первоначалности имена нѣговогъ различни различна наводе; найвероятние е пакъ да Александру одъ Бернай или Паріза свое быће благодарити ина, когъ му е и име преденуто.

**) Первоначално зовесе свако одѣление строфа какве манѣ или дуже песме, често и читава лирическа песма одъ едне само строфе.

Пр.

поезіи давали, и чему су временомѣрие и ритмусъ необходно нуждни за дати іой чрезъ то найвиши степенъ живости и угледности, єръ методично-музикална отношения незауставно на уво и срдце дѣйствую. У римскимъ стихотворенияма узбуђуєсе внимание само чрезъ то, што се смисао надъ тоновима узвисує, кои неблагогласие и нескладность ова сакрива и непримѣтнима чини: само нетреба да у суденю о доброти славянскогъ Хекзаметра и Пентаметра за правило узмемо ново европейске н. п. таліянски, L' armi e (l' uomoio) canto il (qual da) sponde di (Troja"; или француски: „L' homme et les (armes je) chante, le (quel des) rives Troy) ennes;" или немачки, у у комъ никакве позиціе ни складности нема: єръ овде показує намъ се онъ сасвимъ у своіой старой пуности и величеству, у началномъ, епитета забацуюћемъ складномъ полету и благогласию, будући є онъ овде изъ точногъ опредѣленя количества слогова, изъ непокретне и несвоєвольне прецизие стопа, изъ слободногъ удаляваня живописуюћи прилагателни одъ ньиови существителни сложенъ и саставлѣнъ. По гдикои немачки, да и сами Фоссови хекзаметеръ морамо двапутъ трипутъ прочитати и шкандирати, докъ при климатаюћемъ количеству корену непринадлежећи слогова, при слабой смѣси трохеа, шподеа и дактилла напоследку єдва за хехсаметеръ нужени шестъ стопа нађемо. Читаймо Ческе

хекзаметре одъ Винарицкогъ, Словенске одъ Холли или Србске одъ Катанчића, они ни найманѣ грчко-римскимъ неуступаю; читаймо польске Штанце одъ Кохановскогъ или Красицкогъ, или Краньскословенске одъ Прешерна и друге, и ми ће мо іи съ талиянскимъ непостидно упоредъ ставити моћи. И сама непосредствена кћи и наслѣдница класичногъ поля, новогрчки езикъ несме се са своимъ поремеѣенимъ формама, прогутанимъ слоговима, изопачеѣимъ речма и са своіомъ помодарномъ прозодиомъ са славянскимъ мерити. — Славянинъ имаде найлепшу прилику у своимъ народу за оно што е улюдно т. е. чисто човечно воспитати се, и постепено къ овоме узвисити се. Онъ се може у овоме у поединимъ племенама упражнявати, свое чувство човечности тиме све више подизати, свою любавь све надалѣ разпростирати, одъ особе на племе, одъ племена на племена, одъ племена на народъ, а одъ народа на човечество. Другіи су народи одвећъ у свою народность удублѣни, одвећъ онимъ патриотизмомъ, кои само едно отечество познае, обузети, и у свою стару и богату книжевность залюблѣни и заслеплѣни, него да бы се одъ ове отргнути и у едномъ новомъ елементу слободно мицати могли. Кодъ другіи народа іоштъ е човечность народности, кодъ Славяна е народность човечности подчинѣна. Све ово скупа узимаюћи: величину на-

рода, нѣгово положение међу више части света, климе и поднебия, вѣроисповѣдания и цркве, езике и стихотворство, составъ народа — довольно намъ емствуе, да е Славянски народъ за оно велико, нѣму самимъ временомъ и редомъ народа наложено опредѣление већъ сазрео, еръ онъ има къ томе изискуеме способности, свойства и средства у пуной мери. Божественый промисао неможе себи противусловити: онъ мора съ еднимъ тако великимъ, дугоживећимъ, богатоподаренимъ и млогоискуснимъ народомъ найпосле и велике цѣли имати; за еданъ езикъ, кои е онъ на мирномъ наравномъ путу безъ насилства и крви, тако широко на поврности землѣ разпространио, кои е онъ одъ толико столећа чувао, воздѣлавао и изображавао, и утако млогостручнимъ непогодама неугодни обстоятелства бранио и задржао, за такавъ народъ и езикъ заиста е онъ важно опредѣление заштедио: само мораю слвяни, да овай мигъ и путъ промисла разуму, и нѣму слѣдую. Ово осећаю и предчувствую и сами странни списательи н. пр. J. P. Falmerayer кои у своіой исторіи о Мореи страна 5. Каже: садъ се чини да владарство надъ родомъ човеческимъ одъ Латинскогъ и Германскогъ народа одступа и да навелики Славянски Народъ прелази. Славяни нека дакле продуже душевни животъ човечества, нека буду посредственици старогъ и новогъ света, востока и юга; нека стареће стихие

просвештения подмладе и за човечество оснаже; и одделѣне интелигенциѥ саѥдине къ ѥдномъ чисто-светлеѣемъ огню за будуѣностъ, укратко, они треба да ону изъ старопомодарни просвештения стихия, съ начала у ове ставлѣнимъ наравнымъ развияня процесомъ добивену, и оцеѣиванѣмъ чрезъ више столѣтия изчишѣену човечностъ свате, уживоту и у книжевству предоче, измеѣу осталимъ другимъ народима понаивише представе, облагороде и далѣ поведу. Заиста ѥданъ красанъ, чести пунъ и узвишени задатакъ! онъ ѥ зноя благородни достоянъ. Наравно да къ тому іоштъ времена треба, може быти іоштъ читаво столеѣе, али темель мора му се іоштъ садъ положити и съ узаймностѣу почетакъ учинити. Будуѣность пупи и цвати само у и изъ садашньости: ко ову почитовати незна, како се може чему доброме и великоме надати? Ко жели воѣа времена и носиоцъ просвештения быти, тай не треба да слѣдуѥ обстоятелствама, него да имъ предходи; ко жели за средоточиѥ да служи, у комъ се различне силе времена и народа за обште далѣ просвештениѥ саюжаваю, тай нетреба да самъ своѥ силе просипа и себе слаби, него ове купи и себе укреплява, ѥръ текъ vis unita agit. Шта садъ дакле иште наступаюѣе време одъ они, кои су за носиоце вечитогъ т. ѥ. истинитогъ доброгъ и лепогъ позвани? Ко вѣчито у нѣговомъ правцу спроводеѣи, противположения

времена, коя къ развитку онога служе, часъ задржаваюћи, часъ подпомагаюћи, часъ посредствуюћи лати се, то е носиоцъ вечитогъ. Одъ старогъ къ романтическомъ, а одъ овогъ къ човечества основу, есть заиста велики скокъ, али башъ у таковомъ противоположению и развиянию показуе се животъ човечества найживлѣ, еръ у ньима видимо, како се найдальние крайности опетъ зато у течению времена и променителномъ цветаню просвештения народа хармонически разрѣшаваю, зато неможемо између ова три основоположения никакву граничну линію вући, еръ ове заратћую и губесе безъ да се познае, една у другой. Неочекуймо никаква чудеса ни превратъ света при прелазку и промени просвештения стихия. Све ће своймъ обичнимъ путемъ ићи и живити и то тако мирно и наравно, као да се неби ништа догодило. Човекъ есть и остае себи свагда найближи, найзнаменитіи и найлепшіи у безконечномъ свету: дубоко подъ нѣговимъ ногама стои тавни животиня светъ, а превисоко надъ ньимъ Божество у своимъ тайности пуномъ светломъ величию. Какве му драго промене свету, каква му драго развияня човечеству іоштъ предстояла буду, опетъ неможе пре, већъ еданпутъ добивени и подигнути духъ у чистой и правой художества и науке човечности пасти и изгубити се, развѣ са самомъ пропастћу човеческогъ рода; онъ е требовао као што смо

видили више народа и столећа да га произведу и граждано-светски облагороде, и сама ова дуга и скупа прошастность добра намъ стои за постояну нѣгову будућность. Добро зактева свугди и свагда найвеће пожертвование и ступа само после дуги жестоки боля у животъ. — О да срећна времена, кадъ ће одъ другіи народа высокопочитованъ Славянинъ съ великонародномъ гордостћу на свой народъ, на ово узвишено срећно испунћно опредѣлениѳ погледати моћи! — Просвештенѣ и кньижевности другій народа нећею нити мораю збогъ тога престати или пославенити-се, они ћеду и далѣ живити моћи, алъ ћеду само ньиове романтичне са човечности стихияма променути и къ Славянима ближе прилюбити се, себе поредъ новогъ чрезъ ове изображеногъ и негованогъ основоположения чистогъ човечества изчистити и подмладити морати; или ако то неучине, то ће ду они оной судби подлећи, коя све съ гаћа, што преживи и съ крилатимъ временомъ далѣ неступа: они ћеду престарити и у обштой реки просвештения изгубити се.

§. 15.

Опровргаванѣ неки сумньіи, пребациваня и промишляваня у смотрению ове узаймности.

Говори се „Славянски народъ већъ дуго

живио и спавао, дуго у станю подярмленя и непросвештеня налазио се; дуго огугланѣ и отудъ пороѣена vis inertiae чине га неспособнимъ за узаймность и разрѣшение оногъ великогъ задатка.“ — Да рекнемо да е ово криво мѣние и истинито, за народъ неважи никакавъ законъ застарѣлости (Praescrio). Народъ кои е више столеѣа спавао, туѣъ ярамъ носио и одъ просвештеня далеко заостао, има толико исто права да се пробуди, да се ослободи и изобрази, као и они, кои то веѣъ одъ више столеѣа притяжаваю и уживаю. Дарови Божіи су непрепродаеми, и ко мисли, да е кои народъ властанъ слободу и право просвештеня свога суседа заедно и нѣгови наслѣдника иасвагда удручити и уничтожити, тай се люто вара. Истина, мисмо се мало задоцнили: али съ тимъ смо млаѣи; ми знамо шта су другіи народи учинили, а шта ѣе мо ми учинити, то они незнаду. Господаръ света дели ролле у великой овой Драмми свакомъ народу, свакомъ Столеѣу и свакой Епохи света; еданъ народъ мора манѣ, другіи више чекати и зрети, докле редъ на нѣга недоѣе. Животъ народа неступа еднимъ скокомъ одъ детинства на млаѣаность — или човечески возрасть. Што брзо расте и зре, то брзо и одпада. Пешчани каменъ и драгіи каменъ обое су каменѣ, али први се начини за неколико месеци, а другіи текъ за неколико столѣтия. И веѣъ су Славяни

времену сходнимъ подмлаѣиваню узвисили се, и на она основоположения и степене просвештения попели се, кои истина, до найвеће мудрости и прекомѣрне изображености недопиру, али коя су довольна за животъ одржати и опредѣлити га. Веѣъ починю нека племена са своесталнимъ кньижествомъ за чврсте и неумориме радиоце своѓъ новоѓъ и великоѓъ душевноѓъ царства сазревати.

Говори се „Славянски е характеръ врло благъ, тихъ и мекъ, онъ нема потребне силе за таково што велико као што е Узаймность, или као што е преузиманѣ и испуненѣ великоѓъ оноѓъ опредѣления.“ На то одговарамо ми, да ние нуждно Славяниномъ быти, само треба да мислимо, пакъ онда да се осведочимо, о сили и енергіи едноѓъ народа, кои е храбростѣу и отважностѣу своіомъ владу надъ десетомъ части света добавити могао, и себе у найвеѣимъ непогодама толики столеѣа подъ найжесточіимъ нападениями толики неприятеля до садъ задржао и укрепіо. На сваки начинъ нису се отимали Славяни за господарствомъ света, нити су се занимали са крвопролитиемъ и подярмльиванѣмъ другіи народа, еръ су слободу и у неприятелю любили и почитовали, едномъ речи, они су любили више миръ него ратъ. И ми кажемо съ Хердеромъ: „Будуѣи да се не може другчие мислити, него да у Европи законодавство и по-

литика место войничкогъ духа све выше мирно работанѣ и трговину народа међу собомъ подстрекаваю и подпомажу, тоће ду се и Славянски народи едномъ одъ дугогъ сна пробудити, и са свои красни предѣли, одъ азиятическогъ мора чакъ до Карпатски гора, одъ Дона пакъ до Мулда као са своіомъ властитости ползовати.“ — Времена су се яко променула. Човекъ нема благородние речи за свое опредѣление одъ себе самога, то есть човечностъ, еръ онъ е подобие Божие, а Богъ е любавь и благость. Свагда дакле и непрестано нека се стара нашъ народъ да благородниію мисао, нѣжние чувствованѣ и нѣму у рођену добровольность, благость и тихость као найдрагоцѣніи бисеръ унутарнѣгъ своігъ народнѣгъ живота сачува. Блага мисао, коя е собственность едногъ детинѣгъ, млогоиспитаногъ народа, есть найсигурніи знакъ праве и чисте човечности. Ова сердечна благость есть она мисао, коя са своимъ расужденияма и дѣлама никога неврећа, никадъ ние тврда, іогунаста и свирѣпа, коя горчину живота терпѣливо сноси, неправду гледи да ублажи, неживи съ грабежи, него своіомъ заслугомъ; радие чисте, тихе и мирне предмете себи за посао избира, н. п. землѣдѣлие него шумне и крваве. На овомъ ће путу нашъ народъ крну човечности и благости са силомъ заедно получити.

Говори се „Верло велика разлика сла-

вянске Аз-Буке млоге ће одъ ове Узаймности поплашити и одбити, єръ сваки неће имати волю, до десетъ различни буквица да учи.“ — Али Узаймность є већъ одъ части число тіи Аз-Бука умалила, правописе прекроила и скратила, и іоштъ ће више учинити; она ће іи надеждно на три само довести т. є. на глаголитску, кирилску и латинску. Ако се кои нађе да волѣ и отважности нема саме буквице научити, у томъ заиста Славянски народъ ниє млого изгубио. У осталомъ желили бы да сви славянскіи правописа фабриканти и умножательи Аз-Бука речи Іов. Херкул. Граммат. Будимъ 1826. с. 3. 4. запамте: „Non tantum Slavicae, sed aliae etiam nationes cultiores desiderio ardent literas communes Slavici sermonis habendi, ope quarum tanquam atpissimae clavis tandem aliquando tam late patentis linguae janua reseraretur. Slavas Nationes ad hoc cohortatur mutuus amor quem eis natura indidit, alias gentes utilitas, ut modo quam facillimo cum 70. millionibus hominum Europeorum colloquerentur. Hinc tantum efflorescet etiam penes diversitatem geographicam, historicam et politicam, exportata Unio in Literatura inter omnes Slavos, sive verus Panslavismus.“

Найпосле може се казати: „Славянска Књижевность ондакъ бы се са своимъ саюзомъ Узаймности само єдной мозаици уподобила, само єдномъ великомъ торжишту или єдной

разношарной пияци наличила, на коима бы се дѣла разни племена и єзика као Грци и Французи, Енглези и Єрмени, свако у своме особитомъ ношиву и говору тумарати видили и чули.“ — Ми одговарамо: и єдна добросложена и майсторски израђена мозаика єсть лепа, она има видъ и животъ и свагда є боля, него досадашня disjecta membra Славянскогъ народа и кньижества Єдно торжиште или єдна пияца разнородный люди и єзика неће и неможе Славянска кньижевность быти, єръ сви су Славяни само єдна крвъ, єдно тело, єданъ народъ, и сва ньнова нарѣчия єсу єднородна; различность изображения Славянски племена єсть само различность степена, а не вида. Досадашньи животъ Славяна мора ма како свой стари безвидни изгледъ са єдним опредѣленимъ видомъ променути; интересси народа ишту то заповедаюћи, и сваке сумнѣ мораю овде онемити и сва размишляваня исчезнути. Што є добро и нуждно, то є и могуће; што є кодъ другіи народа у другимъ обстоятелствама и отношенияма могуће и у дѣйство приведено, зашто то исто и кодъ насъ небы быти могло у кньижевномъ отношению. Владѣтельи држе заєдно, аллираю се и сроћаваю по целой Европи; трговци имаю своє куће и тамо и овде, у Лондону и у Паризу, Неаплу, Хамбургу, Бечу, Петрограду: Европа ньново є отечество; Швайцерски солдати и Француски официри служе у Турской

у Америки и свима частима света, да, сви Европейци стое чрезъ Поште и Новине у едной обштности, као да бы подъ еднимъ кровомъ едно съ другимъ живили: само су Славянска племена оделѣна, разцеплѣна, и едно друго непознаю.

§. 16.

Користь ове Узаймности за Славяски народъ по наособъ.

Полза е ове Узаймности велика и многостручна.

1. Душевна, народногъ просвештеня тичућа се. Народно изображенѣ зависи одъ народне кньижевности; обое пакъ успѣваю тимъ брже и срећние, што е веће ньиовъ кругъ и игралиште, што слободние далеко и широко одъ брега на брегъ, одъ едне землѣ до друге на свои крили летити могу. Єръ изображенѣ и кньижество налазе овде не само више узбуђеня и подпираня, него добиваю такођеръ и еданъ млогостручни, узвишени, чисто човечески характеръ, у комъ не само зраци села, варошица, школа, цехова, него читави земаля, народа, да и читавогъ човечества показую се. При овой Узаймности сматраће се нашъ читавъ народъ као една фамилия нѣ-

гово изображенѣ быће велико, нѣгова книжевность сяйна. Книжевность то есть нека небуде неуредно нагомиланѣ писмени производа, не празна и безъ цѣли мложина одъ списака и списания, не оскудна сбирка книжевни сачинения, коя обшти духъ не оживляваю, и гди народни характеръ изображенъ (ausgeprägt) ние: него единство и саединенѣ списательски дѣла къ едномъ целомъ чрезъ народность; него собрание одъ списания и книга у свима струкама, кое се чрезъ едну известну наравну систему, ако не одма, а оно постепено у разнимъ человеческимъ добама и постепеномъ изображенню међусобно у савршенствую, и у коима читавъ народъ сокровиште свога духа, добитъ свога живота или оно нѣму свойственно светаосмотриванѣ за саданьи и будући светъ полаже. Ова Узаймность быти ће за нашъ народъ богати изворъ велики дѣла; она е условие велики списательски дѣла и учени предузиманя, она е найсигурние средство противу народнѣгъ изможденя, она ће за кратко време невѣроятна учинити, особито онди, гди явно мнѣние и слободно народнѣ развиянѣ ние сасвимъ удручено. Люди творе само зато мала, недостойна и презрителна, еръ мало мѣрило за премерити ньиова дѣла имаю, еръ само предъ едногъ ограниченогъ и нискогъ судію ньнови дѣла и сочиненя предстаю. Ступели пакъ у духу предъ наймудрие и найболѣ ньнови со-

народника — и современика, поставелъ се у мислима предъ оно велико чести достойно собраниє читавогъ народа, то се ондакъ и ньновъ духъ самъ одъ себе развия, срце ньиово ондакъ тежи, за онимъ честнимъ одобренѣмъ и признанѣмъ славоревньиво къ великимъ чувствованяма и добродѣтелима, перо се одушевлява и крила добия за дѣла, коя су вѣчна и неумрла. При садашнѣмъ разцепленю и равнодушию, морала су по єдина Славянска племена безъ кньижевности, слѣдователно и душевно — слаби, непросвештени и ненаучени остати. Зато и є тако често и постизавала поруга и презренѣ туђи народа, кои су мислили, да Славянинъ никакве силе нема у чемугодъ за човеческо изображенѣ себе заслужнимъ учинити, шта више, ни способности, да оно одъ другіи изнађено ужива. Ова поруга и подсмей отровала є себеосећанѣ и себепознаванѣ Славяна тако, да є изъ поруганогъ поругатель своггъ рођеногъ народа постао. Тако є представляо Славянинъ найчудноватиє у Исторіи никадъ нечувенно и невиђено позориє єдногъ народа, кои є найлепша чувства любави, почитания, удивленя и послѣдованя съ добровольномъ подашностћу прама свию туђи народа разкошно просипао, а за самогъ себе понижаваюћу срамъ, недозрелостъ, малодушиє, противовольство и непочитанѣ задржао. Никадъ му ниє на паметъ падало, да єданъ велики народъ тако-

ђеръ и велике задатке и дужности за светъ и цѣли човечества имати мора, слѣдователно да има и велике дарове и средства у себи за разрешенѣ ови задатка. Славяни будите дакле найпре съ проћу васъ сами праведный, пре него што одъ другіи правду и почитанѣ узиштете. У свету узима се како по єдини човекъ тако исто и народъ за онакогъ, како се показує, али и онъ се мора за штогодъ показати. Радиє се трпи немиранъ и неугоданъ, него незнатанъ и неваляо. Тако се држи да онимъ людма и народима нисмо ништа дужни, кои мисле да сами себи нису ништа дужни. Употреблявайте скоро сва могућа, да се само заборави, да є єданъ тако стари и велики народъ до садъ на обштой драгоцѣности човечески мисли, на усавршенствованѣ ходожества и науке, накратко на развиянѣ духа и живота само єданъ и то одвећъ мали прилогъ принео. Млого маньи и млађи народи превозишли су насъ у томъ призрению, и далеко за собомъ оставили на путу пословання човеческогъ просвештения. Да бы дакле и ми такову заслугу придобити могли, зависи само одъ кньижевне наше слоге и Узаймности.

2. Економическа полза: Списательи добиваю чрезъ то єданъ велики читаюћи публикумъ, продаю млоге екземпларе одъ свои списания, добиваю чрезъ то награду за ньиова

дѣланя, и нећею чрезъ предузиманя и писанѣ кньига више пропадати. Єданъ списатель, кои є само на своє нарѣчиє ограниченъ, єдва само толико кньига печата, колико є нуждно да трошакъ печатнѣ подмири. Докле годъ поєдина Славянска племена у своіой неузаймности и отуђиваню остану, донде нећеду цветаюће и постояно кньижество имати, єръ оно є само онди, гди млого кньигокупаца и читателя имаде, млого читателя само има онде, гди є млого люди, а млого люди само онде, гди є єданъ велики, пазећи се, узаймно познаваюћи и люблѣћи народъ. Зато и путую Мађари, што су само єданъ мали народъ, у друге части света, у Азію Монголцима, Тибетанцима и другима, да бы тамо своє предке или браћу, или єданъ ньима баръ подобанъ народъ нашли, и чрезъ то єданъ велики просторъ или публикумъ за свою кньижевность добыли. Цветанѣ кньижества, єзика и изображеня єдногъ народа, ма да оно како унутарнѣ успѣва, подпомаже се и поспѣшествує, то опетъ ако желі да не заостане, нуждно му є да и споляшнѣ своє границе разшири. Да бы ми пакъ ове разширили, нетребамо ни путешествия, ни войске, ни побѣда, само треба да оне насъ разставляюће зидове срушимо, или прозоре и врата ради лакшегъ сообращения на ньима пробиємо, да бы тако єданъ велики народньи домъ представили.

3. Полза єзика: свако нарѣчиє добива

чрезъ то чисто човечно изображенѣ, право славянски ликъ, стимъ ће се больма одъ свию барбаризма сачувати, туђе речи и израженѣ искоренити, Латинизме, Германизме, Тартаризме, Мађаризме, и т. д. одъ себе одбацити, и изъ чисто Славянскогъ извора себе обогатити моћи. Срећа е за еданъ езикъ, кои се жели у изображеню и кньижевности узвисити, што млого нарѣчия имаде. Племена народа и ньиова нарѣчия жиле су, а кньижевность и езикъ есу стабло, кое изъ жила сокъ, силу и крепость сиса. Зато су мали народи у почетку свога изображеня и кньижевности по правилу принуђени, млоге сакате, изъ воздуха поватане речи ковати, или іи одъ другіи инородніи езика узаймити, еръ ньиовъ езыкъ млого корени речи, а никаквогъ другогъ нарѣчия нити какви другіи народньи племена има, коя бы имъ изъ ньиовогъ живота жива израженя позаймити могла. Напротивъ познато е, да езици велики народа као на пр. немачки, велико свое наравно богатство, свою грдну образимость и млогостранность управо своимъ млогимъ нарѣчияма и племенма има благодарити, изъ кои списательи као изъ неизцрпими рудокопня ваде. Славянски езикъ са свима своима нарѣчияма пливаће онда у свой пуности као што ни еданъ, а тому ништа више нетреба, него да се међусобно и то изъ седамъ дубоки и богати извора почерпава; то есть: 1.) изъ старославянскогъ цр-

квеногъ како кирилскогъ, тако и глаголитскогъ єзика; 2.) изъ богати новооткривени кньижевни отломака стариєгъ времена, као н. пр. Кральодворскогъ рукуписа, Игоровы похода, полячки Псалтира, рукописа у Рагузи и. т. д. 3.) изъ саданѣгъ рускогъ, 4.) србскогъ 2.) полячкогъ, 6.) ученогъ ческогъ єзика и кньижества, 7.) изъ народньи песама, народньи приповедака, пословица и загонетки простога народа, изъ Идіотике и провинциализма различни земаля и предѣла, нарѣчия и поднарѣчия. Стихотворци можеду особито млого на овомъ путу Узаймности учинити, и найлакше нове одъ друге браће узаймлѣне речи и окретности у своя нарѣчия уводити и пресаћивати, єръ намъ Поезия у златнимъ облогу (Einfassung) и благовонимъ мирисомъ такове добродошлима и домаћима чини, и ньи не строго разчленаваюћемъ несносеѣемъ разуму, него люблѣѣемъ срцу и свеобузимаюћой фантазіи предлаже. Чудити се морамо како се єзикъ и понятиє у томъ призрению у новіой ческой кньижевности черезъ Юнгмана, Ханка, Пресла, Марека и. др. обогатило. Само нетреба противъ подобни присвояваня одма као Негедли и Палковиѣъ вику да подигнемо, єръ єдна изъ унутарнѣгъ народногъ живота нехотице узета и появлѣна речь, свагда є боля, народния и привлачителния, слѣдователно и дає се лакше присвоити, него єдна съ намеромъ скована, у другимъ нарѣчияма

већъ одавна може быти употреблявана, и башъ зато одъ ови одцеплѣна, или съ ньима у безполезно ревнованѣ и неприятельско положение ставлѣна речь. Поляци и Русси окану ће се ондакъ свои грчки, латински, француски, и шведски терминология и технически изражения у художеству и наукама, такова са чисто Славянскима чрезъ Чехе одъ части добивенима и сготовлѣнима заменути, и тако заедно понятия и науке у унутарньи животъ народа пресадити. — Са овомъ Узаймности добиће се и благогласие у свакомъ нарѣчию, єръ ће се суровость и твердиня речи єдногъ нарѣчия чрезъ већъ углађення изражения другогъ нарѣчия умекшати и угладити моћи, и зато опетъ остає све наше, то єсть Славянско. Пребациванѣ неко да ће мо на тай начинъ нашъ єзикъ по русити, по полячити, по чесити и т. д. као што таково пребациванѣ ние Славянско, не заслужує ништа друго него да измеяно и презрено буде. Што є Славянско, ма гди было, наше є. Ово наше на овай начинъ лако учинѣно поравнанѣ, будући намъ ползу нашегъ матернѣгъ єзика предъ очи ставля, и цену нѣгову познавати насъ учи, съ друге ће насъ стране одъ преценѣня нѣгови преимущества сачувати, єръ управо є непознаванѣ и ентузиазмусъ узрокъ, да насъ оно, што є наше заслеплява, и до неправде доводи. Нетреба дакле да презиремо и измеявамо оно, што за наше уво добро не звечи

у другомъ каквомъ славянскомъ нарѣчию, кое е може быти у суровиемъ и дивльиемъ предѣлу образило се: него сваки нека остане своемъ нарѣчию вѣранъ, све болѣ чуюћи, строжие испитуюћи и дивећи се, како еданъ и исти езикъ подъ различнимъ поднебияма развия се, мичесе и образуе се, и како поредъ свега тога главне черте и трагови народногъ духа нигди и чрезъ ништа немогу се избрисати.

4. Политическа; политическа полза Узаймности есть такоћеръ двогуба:

а) Споляшня; побуне и подизаня Славяна противъ Владаоца, кои другимъ народима принадлеже, и подъ чіимъ скиптровима они стое, престаћеду, еръ са таковомъ Узаймностћу престаће и желя за саединенѣмъ са другимъ Славянима, или ће баръ здраво ослябити. Они ондакъ никаквогъ узрока имати нећеду одъ ови одустати, сваки ће кодъ свое куће остати, еръ ће сваки оно кодъ куће имати, што бы кодъ свогъ суседа добио. Шта више, подъ туђимъ не-Славянскимъ Владѣтельима, ако су ови толерантни, наћићеду маня Славянска племена више емства и безбѣдности за шпециялну самосталность и постояность ньиовогъ нарѣчия, кое бы иначе подъ владѣтелѣмъ едногъ другогъ силниегъ Славянскогъ нарѣчия, по законима привлачеће силе, одъ овогъ сасвимъ прогутано было, или баръ съ ньимъ стопити се, или напослед-

ку саевимъ изчезнути могло. И саме владе, коима просвештенѣ ньиови народа на срдцу лежи, не само што нећеду овой невиной благотворной Узаймности противити се и на путъ іой стати, него шта више, іоштъ ће ду е мудромъ обозрителностћу неговати и отечески подпомагати. Та и само благоразумие и човечность еоветую, да едно далеко разпрострто чувство, кое се у явну нужду обратило, неприятельски ненападамо, него да га само предосторожно управлямо, свагда у трезномъ безстрастномъ разположеню задржимо, и на прави путъ изведемо, да бы тако безъ заблуденя свою мету или цилъ достигло.

б) Унутрашня; тако ће ду и сваће, ревнованя, боеви и ратови Славяна противъ Славяна престати, еръ све увреде самолюбия и суетльивости другіи племена и нарѣчия, сва подизаня едногъ племена преко другогъ, свако теженѣ за првенствомъ и оно отудъ произтичуће угнѣтаванѣ другіи Славяна престатиће. Свако племе биће онда една планета, коя се около едногъ обштегъ сунца окреће, на друге узаймно дѣйствуе и своимъ особенимъ путемъ корача. Ондакъ ће мо признати, да сва Славянска нарѣчия своя особита преимућства и красоте имаю: да оно едно силу и величество има, као руско, друго приятность и сладкость, као ильско; трећe има великолѣпну класично-размѣрну складность, као ческо-словенско,

четврто херойство, ватру и жаръ као србско и т. д. и да опетъ све ове свойствености и преимућства изъ єдногъ извора теку и у єдной горећой точки народногъ развияня сѣдиняваю се. Шта є Полякъ Казимиръ Бродцінски (Pisma Rozmaite, w Warszawie 1830. Tom. 1. S. 17) у обште о народима у Европи казао, то се може поєдинце и о славянскимъ племенама и нарѣчиама казати: „кньижевной повѣстници нашегъ времена ми смо по вѣћой части дужни благодарити за оне лепе черте нашегъ времена, да сви народи свою важность узаймно познаю, да ій различность неодцепльива, нити єдне предъ другима понижава; да сваки народъ, што є изображеніи, тимъ се више обвезанимъ осећа заслуге и собственности другій почитовати и ньиову особеность цѣнити.“

§. 17.

Споляшня припятствия ове Узаймности.

Ова су припятствия двогуба: съ туће стране и съ наше стране. Кодъ европейски народа владаю іоштъ млога предрасуждения и предприята мнѣния о Славянима, они имаю често зазоръ и стра одъ ньи, кое обштой овой Узаймности на путъ стати могу. Како іоштъ млоги не-Славянски списательи о Славянима и ньиовомъ єзику мисле, и явно пишу,

можемо у Шаффариковой Исторіи Славянскогъ езика и кньижевности, Будимъ 1826, 46 — 47 и у Wyklad ku Slàwy Dc. Стр. 457 — 472 читати. Имали у явнимъ листовима гдигодъ кои саставакъ о Славянима, гди се небы одма съ бабскимъ предрасудима съ ньима, као съ каквимъ страшиломъ, кога се бояти морамо, плашило? Имали гди годъ кои чланакъ о ньима, гди одма небы о сѣверномъ колосу говоръ быо, гди се небы о политичнимъ опасностима сумняло или снивало, и на овай начинъ Славяне подозрителнима чинило, племена една противъ другіи дражило и подбадало, и найпросвештение найслободние државе уплашити тело? Светъ е према Славянима као одзивъ (Echo) кодъ Тихона на блатномъ езеру у Унгаріи: едносложне речи: *) (Schimpf) грдня, (Spott) поруга, (Furcht) стра, (Hass) мрзость, пофторава онъ гласно по десетъ пута, речи пакъ одъ два три и више слогова, као: заслуга, добродѣтель, любавь, благодарность, награда, едва еданпутъ промрмля. Славяни су псовани и презирани были у пређашньимъ обстоятелствама: добро дакле, садъ іи нетреба хулити и на путъ имъ стати, кадъ оћеду свое станѣ да промену и поболшаю. Алъ на жалость ние тако. Имаде іоштъ у Европи народа, кои свакогъ Славянина вообште за не-

*) Ове се речи нису на нашемъ езику тако превести могле, да буду одъ едногъ слога, као у немачкомъ езику. Пр.

приятеля свога народа, свакогъ съ ньима обште отечество имаюћегъ славянскогъ списателя као издаицу отечества, и сваку Славянску кньигу као убитакъ своє народне кньижевности сматраю. Зато неможемо иначе него хвалити Славянско либерално сношение прама дугима, у ньиовимъ земляма живећимъ народима. У Петрограду имаю Немци ньиове немачке цркве, школе, театре, цеове, и шта више, ньиове законе и власти; у Варшави и Краковой уживаю они слободу као и кодъ куће: ни єданъ Руссъ или Полякъ ниє имъ забранио кньижевну Узаймность съ другима племенма у Немачкой имати; у Прагу има єдно заведение за катедру мађарскогъ єзика, ниєдномъ Чеху ниє наумъ пало, да такову уничтожи, или є кодъ народа и правителства у подозрение доведе. Ту се већъ показує духъ човечности. У противномъ случаю мало є ньи, кои су као Шлецеръ, Хердеръ, Гримъ, Гете, Терезе Якобъ себи труда дали, Славяне и ньиовъ єзикъ найпре познати и научити, и текъ онда о обоима судити. Ми іоштъ напредъ припознати морамо, да за такова списания слабо маримо, єръ Славяни одъ неко доба на хвалу и руженѣ страни народа, особито Немаца, ни мало негледе. Ротекъ у своіой Всемирной Исторіи назива руски єзикъ робскимъ єзикомъ, а сигурно ниє ни три речи руски знао. Фалмераєръ у своіой Исторіи Морее стр. 203. назива Слава-

не по нарави неблагородние одъ Немаца єръ се они стр. 228. са землѣдѣлцємъ художествомъ, трговиномъ и мореплавствомъ, а не съ ратовма и аранѣмъ занимаю. Али Славяни имаю о речи благороданъ сасвимъ другчие понятие; кодъ ньи когодъ благороданъ може быти само на свой собствени трошакъ, а не на туѣъ и съ увредомъ туѣегъ права, а одъ грабежа живити, кодъ ньи є неблагородние, него одъ землѣдѣлства и трговине). Чифутинъ Менделзонъ у своіой Германской Европи, Берлинъ 1835 год. благодари Мађарима у име Немаца, да су ови год. 894. Славяне на Дунаву Панонскомъ разбили, и стимъ Немачку одъ Славизираня сачували. (Славяни никадъ нису были завоєваюћи народъ, они су іоштъ одъ давна врло волели и почитовали слободу, у своима и у странима; они су были выше благородніи и човечніи, него да бы коме своє нрави, єзикъ и народность наметути тели, ньиова разширеня била су безъ цѣли, ньиова заниманя невина; Славяни су пре равну благодарность Немачке заслужили, што су они 1241. за цело Християнство опасне Татаре на Хани подъ Ярославомъ, и год. 1683 Турке на Дунаву подъ Собѣскимъ потукли, и тако Немачку одъ Тартаризираня и Турцизираня сачували). — Немачки єданъ евангелически парохъ у Сорни у Лужици, Риттеръ зовоми, не давно є у Лужичкомъ магазину год. 1825 трудно се доказати, да є Славя-

но-Србски езикъ за Прайску владу тамо опасанъ, и за законъ християнски убиточанъ, и зато да се што скорие у таманити гледи. (У Руссіи, Польской и Србіи у средъ недара Славяна, читава су немачка поселения, вароши и предѣли: есулъ и ови тамошньима владама и црквама опасни и шкодльиви? Живи да живимъ!). * Французски Херцогъ Choiseul ние тео Руской Царици ни титулу „Majestè Imperial“ дати: онъ се обрати на француску Академию, коя е морала изяснение одъ себе дати, да то ние чисто французско изражение. У кратко, найвећа часть инородни списателя, кои су о Славянима писали или и данасъ іоштъ пи-

*) Шта е понемченѣ Срб-Славана у Немчкой, именито у Лужици принело, признаю и сами понемчительи, и то не безъ стида и каяня н. п. David Traugott Kopf, у своимъ у „педагогичкой Немачкой“, Berlin 1836. К. II. печатаномъ животоописанию, С. 81. „Mein Bruder, Schulmeister in Greifenhein (славянс. Малинъ, у дольной Лужици) arbeitete an der Verdeutschung der Kinder, ja der ganzen Gemeinde mit einem Eifer, der Alles erzwingen sollte. Ich sein Gehülfe folgte ihm, denn ich konnte noch weniger als er es ahnen, dass dieser Eifer ein falscher sei, obgleich mir eines klar war, nehmlich: dass den Leuten in Greifenhein bei einer zwar glättern Aussenseite doch das biedere, treue Wesen, die ernste Religiosität, der Fleiss und die Ordnung bei der Arbeit u. s. w. mangelte, wodurch die Sorben, die man ruhig Sorben bleiben liess, sich auszeichneten.“ —

Овимъ примерма и искуствама нека се Г. Ріхтеръ поучи.

шу, уподобляваю се онимъ нечистимъ животинима, кое свуда само блато траже, да се у нѣму ране, зато и тамо, гди се иначе врло чисте улице налазе, свою нюшку у сваки угаль забадаю, да бы само какву годъ гомилу ђубрета нашли. Кадъ бы ти нюшительи намеренѣ имали погрешке откривати и такове поправляти помагали намъ, то бы онда они похвалу и благодарность заслужили; али да то ньина намера ние, показуе огорчение и злоба скоима они такова чине, и своевольно пређутанѣ свега онога, што е добро и похвално. Подобна заслепленя само су знаци незнаня, оно лишава еданъ народъ свию нѣгови преимућства, коя изъ чувства едногъ чисто човечногъ, либералногъ народногъ разположеня и познаваня, наука, знаня, нрави, обичая, уредби и закона другіи народа теку. Само обште знанѣ и кньижевность разсеяваю међу разне народе духъ поболшаня и узаймногъ почитания, умаляваю духъ понижаваюћу народню мрзость, подаю срдцу нѣжность, разуму узвишеность и умствованю о другимъ народима више справедльивости. Сви противници каквогъ доброгъ и великогъ дѣла удараю на живу жеравицу, коя пршти и тамо запалюе, гди иначе никаквогъ дѣйствия неби имала. Нама Славянима при овимъ предрасуждениями окружаваюћи насъ народа ништа друго неостае, него да дѣломъ покажемо да су такова неоснована и да смо ми покровительства свию вла-

дѣния и повереня свию народа заслужни и достойни.

Истомъ што ово пишемо, доће намъ, као изъ неба пала, єдна сасвимъ нова, одъ Немца за Немце списана кньига, о Славянской кньижевности, у руке, подъ надсловомъ: „Geschichtliche Übersicht der slawischen Sprache und Literatur nach ihren verschiedenen Mundarten: für das deutsche Publikum bearbeitet in Berlin von E. v. O. gedruckt in Leipzig 1837. Ми се неможемо уздржати, да изъ нѣговога предговора, кои све славодицее и опровргавання они горенаведени лажльиви и неистини суденя и страстни умишляя излишнима чини, овде слѣдуюће безпристрастне речи, наведемо: „при данашнѣмъ тако радостномъ обштемъ теженю за темельнимъ и многоструч-нимъ ученимъ изображенѣмъ, при све више и више разспространяваюћимъ ученимъ заниманиями народа и узаймномъ участвованю у овомъ смотрению, неможе да намъ у очи неупадне, да у Европи до 70 миллиона люди живе, кои премда богате и лепе єзике имаю, опетъ зато одъ друге три четвртине Европейски народа, єдва су по имену познати. Ако є дакле истина, да већа частъ Европеяца незна, да су одъ 230 милліона люди, кои у Европи живе, преко 70. милліона — дакле више него єдна четвртъ читавогъ Европейскогъ народа — не само Славянскогъ подрекла, него и да єднымъ

изъ єдногъ и истогъ племена произходећимъ єзыкомъ, кои се у течаю времена, на различна нарѣчия поделио, кои сродство дакле отуда є лако доказати, — и данъ данашньи говоре и пишу: то є доиста жалостно, да скоро сви европейски, обычно, као и учено изображени, да и одъ реда изображени мужеви, коима ова истина неможе баръ непознатa быти — о Славянскомъ єзыку и нѣговимъ различнимъ нарѣчияма, и ови сродству међу собомъ, као вообште и о Исторіи ови народа, а именито кньижевности не редко тако криво и неправо мисле и суде; єданъ недостатакъ, кои се врло често само недозрелимъ малоуваженѣмъ Славянски народа, као и ньиови єзика и душевни производа оправдати тражи, а овамо се съ некіимъ одбацуюћимъ ладнокрвствомъ на силне Славянске народе, као на полудивляке гледи тако, да іи ни своръ ближегъ познаваня за достойне држе. Ми неможемо непризнати, да поедина Славянска племена сада, у смотрению ньиове обште учене изображености иза єдне части другіи европейски народа, не стои, али ова разлика ние башъ толико велика, као што се обычно издає, и тешко да бы прости пукъ у Руссіи и Сербіи, іоштъ манѣ пакъ у Ческой и Аустріи у душевномъ просвештению за народомъ друге какве землѣ н. п. Португалске, да и саме изображено хвалѣне Француске, стаяо. На сваки начинъ заслужую Славянски

народи и њиови изрядни езици ближегъ познаваня. Силна у изговору, богата у речма и склаиню, окретна у саставцима и изражению, као и пуна благогласия была су ова, досадъ іоштъ чудновато чисто сачувана Славянска нарѣчия, већъ одавно развиена и изображена. Заостаянѣ Славяна у смотрению изображения, ние слѣдство да способности и дара къ тому имали нису, — кои се шта више кодъ ови народа често у вишемъ степену налазило, него, кодъ неки другіи европейски народа — него е само было слѣдство тешкогъ ярма, немиле судбине и времени обстоятелства. Славянски народи были су већъ у 8 и 9. столѣтию у смотрению њиовогъ душевногъ и дружевногъ изображения съ другимъ европейскимъ народима не само сасвимъ равни, него су ове іоштъ у млогимъ струкама и превозишли были, и то бы можда и данасъ іоштъ было, да іи само ние њиова грозна судбина тако силно натрагъ уздржала. Іоштъ у 9. и 10. столѣтию имали су Славяни не само изображенъ езикъ и писания, него су у оно време, кадъ е свето писмо у осталой Европи іоштъ строго чувано имѣние едногъ само нуждно изображеногъ свештенства било, имали они на своимъ езыку и Библию, кою су имъ не само њиови свештеници преповедали, него и они сами читати могли. Алъ на жалостъ догодиле су се одма іоштъ у почетку среднѣгъ века у свима Славянскимъ земляма велике политиче-

ске промѣне, кое су ньиовомъ тако иначе поспѣшно започетомъ развияню и напредованю у изображению, врло противу дѣйствовале. Ово се догодило у Руссіи у паданѣмъ Монголаца, подъ кои тешкимъ ярмомъ ова е славянска земля 260 год. стеняла; у Србіи збогъ непрестани ратова съ Грчкимъ царевима и оно найпосле падение чрезъ Турке; у Ческой, пређашньой немачкой високой школи, збогъ крвави боева реформацие и ови тешки слѣдства; у Польской збогъ непрестани ратова съ поля, и они еднако повтораваюћи се нещастльиви созаклетни раздваяня међу собомъ. Чрезъ сва ова зла и напасти били су Славяски народи у ньиовой душевной изображености не само задржани, него іоштъ и натрагъ бачени; еръ осимъ што су збогъ непрестани ратова и немира своя знаня и науке пренебрегли, били су несрећни Славяни такођеръ и веће части ньиове ондакъ у добромъ станю стоеће кньжевности и насилно лишени, еръ ова е у онимъ забунѣнимъ обстоятелствама по већой части пропала и изгубила се, а остале су кньиге неприятельи намерно утаманили тако, да су се само врло мало отломака одъ кньижевности они времена, до данасъ задржали и сачували. Да су пакъ Славянски езици (болѣ нарѣчия), кои су іоштъ ондакъ врло изображени были, одъ туђегъ уплива тако мало претрпили, и чисто задржали се, може намъ пре као доказателство ньи-

ови чврсти унутарньи садржая служити, и о крепкости духа Славянски народа, као и о любави къ ньиовимъ матерньимъ езицима уверити.“

„Са судбиномъ Славянски народа и ньиовимъ заостаянѣмъ у кньижевности, требало бы дакле да Европейска ньиова собраћа пре сожаления и соучастия имаду, а не ладнокрвно предусретаю іи и презиру, кое се у сматраню ньиове особености, као и ньиове душевне изображености, а именито ньиови езика и кньижества не редко но врло често догађало. Не гледаюћи на то, да се она злоумишлѣна, не често непостояна умствованя, коя жали Боже о овомъ предмету врло често изговарати слушамо, съ онимъ у данашнѣмъ времену тако обште разпростртимъ лоялнимъ, и у ученомъ сматраню тако добровольнимъ умишляима неслажу, то мораю они тимъ казни достойніи быти, што по правилу башъ ни найманѣ са Славянскимъ стварма у познати нису, еръ не само да ньиову кньижевность и езике, него ни самъ Славянски народъ непознаю. О стварма кое непознаемо нетреба да судимо, или ако башъ нећемо да ћутимо, то нетреба да наше неправо суденѣ враћа. Съ удивлениемъ не редко слушамо иначе врло изображене, а кадкадъ и учено изображене мужеве найчудноватия умствованя, мнѣния и понятия о Славянскимъ е-

зицима и ови меѣусобнимъ сродству као и сиромашству и потребитости Славянски душевни производа, изговарати; алъ съ овимъ они ништа друго, него посведочаваю, да управъ никаквогъ труда полагали нису, предметъ ньиови изяснения баръ одъ части познати, и по томъ да немисле, шта се зато време у томъ веѣъ учинило, и сваки данъ све више іоштъ чини. Они бы онда за цело улюдние поступили, и знали, да се веѣъ одъ више година него што є єданъ чевечіи векъ, у свима одъ Славянски народа поселяваюѣима земляма невѣроятно млога починила, само да бы оно, што су утесненѣмъ времена несвоєвольно пренебрегли, постигли. Именито влада у овомъ призрению одъ последньи тридесеть година у Ческой, Сербіи, Польской и Руссіи велика дѣятелность. Особито є у Руссіи єзикъ и кньижество у овомъ последнѣмъ времену, а именито подъ отеческимъ владарствомъ саданѣгъ Владаоца, процветало и подигло се тако, да се, одъ мудре и дѣятелне владе силно подпоможено, данасъ у найсреѣниємъ млогообеѣаваюѣемъ напредованю налази, когъ поспѣшни резултатъ не само да се у земльи и народу добротворно показує, него іоштъ и на суседну сѣверну Азию, коіой чини се да є суѣено, да своє просвештенѣ изъ руски руку прими, одъ дана на данъ све више дѣйствує. Све ово знало бы се у осталой Европи млого болѣ, кадъ бы само труда

положили, да крепки и лепи Славянско-рускій езикъ болѣ познати научимо, еданъ штудіумъ, кои — негледаюћи нато, што растенѣ политике Руске и ове све више на отношения остале Европе умножаваюћи се упливъ, овай можда нуждним чини намъ быти — такоћеръ и у ученомъ призрению одъ ползе быти иамъ може. По томе было бы дакле веће време, да изображени светъ Европе нѣговимъ до данасъ тако яко пренебрегнутимъ Славянскимъ браћама — кои не само у своимъ Славянскимъ државама, него и у Аустріи до 20 — у Пруской до 4. мілліона живе — као и ньиовой Исторіи просвештения више внимания поклони, и съ ньима ближе и больма упозна се, чему бы особито у познанѣ съ езицима и Историомъ кньижевности различни Славянски народа млого принело, и найсигурніи воћа за далѣ было. — Да бы дакле за Славянске езике и ови кньижевностъ већи интересъ побудили и овай предметъ већемъ Пупликуму вразумителнимъ учинили, нуждно бы было едно таково дѣло имати, кое бы речени предметъ у краткости садржало, безъ да се што тимъ темельитости шкоди. — У смотрению тогъ изишла е една на енглескомъ езику написана кньига, (Historical View of the Slavic Language in its various Dialects, by Edward Robinson, Andover 1834) кою самь я одъ едногъ могъ приятеля до руке добио, и коя е изворно за Сѣверо-Американце опредѣлена, да

бы ове съ душевнимъ изображения-обстоятелствама Славянски народа упознала, и онай кодъ ови за Славяне владаюћи интересъ іоштъ више побудила. — Насъ Немце као суседе Славяна нетреба да Сѣверо-Американци у овомъ посраме. — "

§. 18.

Унутарня припятствія ове Узаймности.

Іоштъ млого већа припятствия налази ова Узаймностъ на нашой страни: у животу и дѣлованю сами Славянски племена. Међу суседнимъ Славянскимъ провинцияма, племенма и нарѣчияма влада и данъ данашньи іоштъ неко отуђиванѣ и неповеренѣ, кое не редко у раздражително задиркиванѣ и неприятельство прелази. Узроци тога отуда су, што су у старимъ временма два три племена међусобомъ ратове водили и едно другомъ штету наносили. Физична слѣдства ратова већъ су одавно излечена и заборавлѣна, али внутренѣ огорченѣ никако непрестае, него іоштъ еднако неповеренѣ и мрзость међу племенма и нарѣчияма подгоява, коя на децу и дечину децу прелази. Къ тому често помажу и басно. словне приповедчице, загонетке, мрзость подранююће народнѣ песме, подсмевателне пословице (н. п. Čech — Neplech-Morawec — Nemrawec и. т. д.) у коима ово или оно племе као нешто смешно измеява се, кои из-

ворность никомъ ние позната, но кое одъ уста до уста, одъ едногъ племена на друго прелазе, и мрзость подгреяваю. И само одъ нашегъ нарѣчия одступаюће изговаранѣ, опредѣление родова, противпоставлѣно значенѣ речи, и различно гласоударение слогова у другимъ нарѣчияма, чини намъ се, као да већъ одма и нашъ властити езыкъ квари, преокреће и изопачава, еръ свако племе држи свое нарѣчие за найлепше, найболѣ и найвише Славянско: ми држимо такова одступаня за Сатіре нашегъ нарѣчия, за руженѣ нашегъ народнѣгъ езика, и тако безъ и да хоћемо рађа се у нама ненаклоность, затимъ мрзость и неприятельство тако, да намъ се после съ тешкомъ мукомъ наканути, такови покварени jargon учити, или на нѣму написане кньиге читати. Ми напоминѣмо само, како се муче и злопате Поляци, Хорвађани и друга племена са изговаранѣмъ ческогъ h, кое они свагда као ch изговараю, и међу ова оба тако различна, а често и значенѣ опредѣляваюћа писмена никакове разлике нечине, н. п. ческо hněw изговарую они као chněw, летинс. homo као chomo, Herder-Cherder, или ческо hladjm, hodim, као chladjm, chodjm што су речи башъ сасма различногъ значеня. Ми онда радие учимо туђе езыке, кои съ нашимъ нарѣчиемъ, нѣговимъ природнимъ слогоударениемъ, савиянѣмъ, тврдостѣу и мекостѣу у никакву противность недолазе. Съ тимъ упа-

дамо у нарѣчия прозелитство, кое за цео народъ опасна слѣдства, препираня и бореня за собомъ повлачи. Ми држимо то за заслугу само наше нарѣчие сподпомагати, друга пренебрегавати и Узаймность нетребовати, особито ако нашемъ племену и аритметично множство и сполящия политическа обстоятелства већу важность подаю. И кодъ сами маньи племена видимо нередко суетна мечтаваня и неко засебно самоудовольство, кое тако исто дражи и шкоди, као гордость велики племена. Велики гордельиви народи титраю се само са слабимъ и ньима поданимъ: мали гордельиви народи тару се са своимъ старіимъ или ньима равнимъ: све ове непристойности неприятельи су Узаймности. Алъ опетъ пре или после за цело спасти ћеду ове заграде отуђиваня, кое и садъ іоштъ еднако сдруженю Славянски племена на путу стое.

Да бы ова и овима подобна припятствия устранили, помислимо само на срамоту и несрећу, кою намъ е нашъ раздоръ и неприятельствованѣ, овай праотечески Славяна грехъ, причинио. Заръ е животъ тако дугачакъ, да люди и народи едно на друго викати мораю? Заръ добри и благородніи людіи толико нмаде, да едни друге избегавати могу? Свађаджие люди свагда су презрителни: а кавгаджие народи есу страшило и ужасъ: кои сами срамномъ разцеплѣню и себеупропасћеню насупротъ лете. Подле душе, кое свагда и свуда само страсть и себичность води, дабогме да

немогу поняти, како се човекъ самъ себе отрећи и жертвовати, како се освета у любавь претворити може? єръ човекъ само оно о другимъ людма и народима мисли, што обично о себи држи. Єданъ племенити народъ неће и неможе се самъ себе никадъ одрећи. Атиняни и Шпартанци дуго су се препирали за првенствомъ: алъ чимъ іи непријательска сила съ поля угрожавати стаде, помире се као да никадъ ништа ниє было, и сооженимъ силама нападну на Перзіянце, коє потуку а себе ослободе. Слѣдство сваке омразе єсть разлучностъ, а ове слѣдство єсть ограничиє мисли и понятия, чрезъ коя себи путъ къ далѣмъ напредованю затворамо, и тако себе и своє племе душевно сами узаточавамо. Славянски народи нетреба да засебно постоє, него у скупа сви, своє велико полѣ обдѣлаваю: племена нека народу, народъ пакъ човечеству служи и принадлежи. Противъ велики преимущества другіи люди, другіи племена, другіи народа, нема другогъ спасителниєгъ средства одъ любави и узаимности; ова насъ подиже къ ньима, чини ньиово нашимъ, и угодно изравнява делећа насъ отстояния, будући насъ съ ньима упоредъ поставля. Упустилимо се пакъ съ ньима у препирку, то смо већъ притомъ изгублѣни, и ако не физически а оно морално, што іоштъ више значи: одъ части чрезъ лютостъ и завистъ, коя насъ єде и обезчешћава, одъ ча-

сти пакъ чрезъ судбину кою душевно света уреждение (geistige Weltordnung) преко свию они попушћа, кои волѣ или способности немаю, да велика и величественна, буди се она гди показала, познаду, осете, возлюбе, и на свою ползу обрате. Само ће онда Славянски народъ своє место съ честћу заузимати, само ондакъ нѣговой величини, опредѣлению и народномъ просвештению одговараюћу обшту Историю имати, ако се добро споразумѣние и Узаймность чрезъ забаданя и сваће неузнемири, и чрезъ себичность племена неугаси. Ништа неизображава и неподиже духъ тако яко, ништа га више неоживлява къ дрзновенномъ сдигаваню, колико участие светскогъ благополучия велики народа: честолюбие, користолюбие и свака храбрость и снагу пробуђуюћа страсть, налазе овде своє безгранично колло. Ми морамо потомъ да мало съ великимъ, то есть племена съ народомъ знамо саединити, или упротивномъ случаю мужества у несреће имати, да єдну часть и пропасти пустимо, само да бы целость задобили и задржали. Што коє Славянско племе свойство єзика и кньижества другіи племена манѣ познає, то више о себи мечтава, то манѣ о другима суди, нѣгова суєта налази у овомъ незнаню свою рану, нѣгова ненаклоность према другима нѣно извинение. Съ растећомъ Узаймности растиће такођеръ и узаймна любавь и слога. Ми ће мо се све манѣ мрзити и пре-

зирати, што се више устмено или писмено єданъ съ другимъ обходили будемо. Обштежителна кньижевность и промена душевни подарака испуниће ондакъ борбомъ уморене духове са међусобнимъ поверенѣмъ, а мрзећа се срдца и душе са братскомъ любавлю, єдномисливмъ, и обштимъ своєнароднимъ интересомъ. Чини се као да є обшта судбина люди и народа, да само чрезъ жалостна искуства и чрезъ злоставлѣние силе, текъ право употребление сила познати науче: тако є у политики, моралу, художеству а и народности. Народи дуго се боре међу Анархіомъ и робствомъ, међу дивячности и гньилости, вѣроисповѣданиємъ и язичествомъ, вкусомъ и неотесаностћу, трудолюбиємъ и немарльивостћу, међу мрзостћу и аппатіомъ: докъ єдномъ она велика сила, коя са свеобузимаюћомъ премудрости сва приключения къ добру света уређує, посртаюћа подиженя покушаваюћи сила у равномѣрие непостави, и време ньиовогъ савршеногъ сазреня у редовну постояну систему човеческогъ просвештения неподигне. Найпосле нека бы се међъ Славянима и такови племена нашло, коя бы сама себе за главну цѣлъ своє народности и живота држала, у народной оделѣности, у строгой усамлѣности или гордомъ отуђиваню одъ прочи Славянскіи племена живила, и тако само около своє єдностранне, єдино себе и оно своє познаваюће и почитуюће племенске особено-

сти, бавила се; нека би судбина и споляшна обстоятелства гдикоимъ племенма и закратила, на овой книжевной Узайнмности участия узети, или ньи іоштъ одъ нашегъ народа насилно одтргнула и удалила; нека бы подла себичность и одпаданѣ поедини племена и нарѣчия, одъ своє преће ватренно заузете велике народнѣ ствари за слѣдство имала: ми зато несмемо очаявати, оно су опетъ само поедини поточићи, кои се губе, рѣка пакъ народа теђиће опетъ зато далѣ у своіой пуной сили и величеству; она ће досадашнѣ просвештения стихие далѣ провести, и човечеству предати. Желити є истина да на овой Узаймности сва славянска племена участвую, алъ и сама млога племена, већъ ће ду чуда починити: Дай Боже! да се Славяни ко услуги човечества све више и болѣ изображаваю, и облагороћаваю, и себе нити збогъ брезобразлука страни, нити пакъ збогъ немарльивости свои, демону времена и народа предаю.

§. 19.

Путъ и помагателна средства за разпространити Узаймность.

1. Треба Славянске книгопродавнице у главнимъ варошима наши племена, а именито: у Петрограду, Варшави, Краковой, Любляни, Прагу, Бечу, Пешти, Брину, Београду, Загре-

бу и т. д. отворити, да бы тако у другимъ нарѣчияма издаване кньиге што брже и єфтиние добити могли. Дали ко садъ какву польску или руску кньигу средствомъ садашньи продавница донети, то мора обично по, а кадъ кадъ и по читаву годину чекати, докъ є недобие, и къ тому іоштъ двапутъ или три, колико иста кньига вреди, преплатити, а то све зато, што є ови сообращение врло често и зато башъ тешко и скупо. — Ми морамо найпре потребу внѣшнѣ у нама самимъ осетити, пре него на задоволяваюћа средства споляшнѣ и изванъ себе помислимо, и такова у животъ ступити пустимо. Оживлѣно и разпрострто чувство Узаймости основаће и само по себи кньигопродавнице, или ће сада постоєће пославянити, и насилномъ утискиваню и наметаню туђи єзика, кньигопродавница и кньижества насипъ противъ поставити.

2. Промена кньига између списателя различни племена. Издавательи новина, привремени листова и т. д. нека єданъ другоме узаймно шилю и у промену даю своє производе. Овако нетреба да издаю новце, и чинило бы имъ се, као да бы кньиге бадава добивали. Списатель ове кньиге чини то већъ одавна съ Г. Г. Мацієіовскимъ и Розцізевскимъ одъ кои онъ Польске, съ Вукомъ и Павловићемъ, одъ кои онъ Србске, и съ Кепенъ и

Погодиномъ, одъ кои онъ руске за ческо-словенске добива.

3. Катедре свию Славянски нарѣчия подићи, гди бы ђаци и млади Славяни наймане баръ началне основе научити, и волю къ далѣмъ напредованю добити могли. Петаръ Велики издао е по читавой Руссіи законъ: „да онай, кои читати и писати неби знао, и латински неби разумевао, у никакво явно звание неприми се, шта више да ни само отчинство наслѣдити неможе.“ Што е Петаръ къ поспѣшествованю обштегъ изображения за све свое вѣрноподание за нуждно нашао учинити, заръ то за убудуће неби савестно было у смотрению славянскогъ езыка, особито за учителѣ и профессоре виши школа учинити? *) У школскимъ и читаюћимъ кньигама младежи ставимо примере и преповедке одъ избрани Славяна свию племена и нарѣчия, као што е то већъ одъ части у Čjtanka учинѣно. Желити е да што скорие Славянскогъ Плутарха имамо; такова животоописания славе и спомена достойни Славяна есу за младежь одъ велике користи. Кадъ примери неколико люди изъ Историе едногъ племенскогъ народа извађени, насъ усхићаваю и къ благородной отважности побуђую: шта неће изъ свию

*) По гласу приватни писама изъ Л. . подигнута е веће у Универзитету Московскомъ катедра Ческогъ нарѣчия и кньижества.

племена и изъ Историе читавогъ народа нагомилани примери различнѣйши добродѣтели дѣйствовати? У светости едногъ таковогъ Пантеона и одъ обаятелне силе такови образаца, изчезава сановни духъ (Kastengeist) кои поедина племена дели или болѣ претвара се и преображава у гігантски духъ, кои читавъ народъ у срдцу носи.

4. Треба едне обште свенарѣчне славянске кньижевне новине да имамо, у коима ће се свако ново славянско дѣло у новомъ нарѣчию означити и рецензирати, у комъ е нарѣчию списано, то есть србску србски, польску польски, руску руски, ческу чески. На овимъ узаймнимъ ученимъ новинама морали бы радительи и рецензенти изъ свию славянскіи нарѣчия участвовати и заедно дѣлати. Ние се сумняти, да едне такове новине, кодъ едногъ тако великогъ и далеко разпространѣногъ публикума дуго траяле небы. Кньижевность е явно видимо мышленѣ едногъ народа; а новине су езици народа, съ коима се они разговараю. Добре новине кое радо читамо, макаръ да бы одма друге године шньима сиръ и. т. д. завияли, или іи иначе буди како употреблявали, асниду непосредственно свету више, и дуже дѣйствую, него дебеле, редко и одъ ньи мало читаюће кньиге, да и читаве библіотеке. Дѣйствие заборавлѣни и пренебрегнути привремени писания съ овима непропада.

Ґди су намъ наша питателна єстива, коя смо пређашньи година съ угодомъ и приятношћу уживали? Циркулираю у телу, алъ су облагорођена. И башъ ова непрестана репродукція у душевномъ и физичномъ свету, чини природу и животъ тако полезнимъ, тако живимъ, и тако приятнимъ.

5. Треба явне и приватне библіотеке основати, у коима ће се кньиге Славянски нарѣчия налазити, и на читанѣ издавати. Овомъ кньижевномъ Узаймности наше ће се кньиге тако умложити, да іи сваки поєдини купити неће моћи, него ће ду ньи више на єдну струку своє силе и новце морати обратити. *) У свакой таковой библіотеки моралеби се найболѣ грамматике и рѣчници свакогъ нарѣчия налазити н. п. старо-славянска грамматика и ческогъ нарѣчия одъ Добровскогъ; руска одъ Пухмеера, Ватера, Шмида; польска одъ Копцінскогъ, Бандкія; србска одъ Вука, Берлића; краньска одъ Копитара, Даінкова, Метеека, Муркова и. т. д. Затимъ рѣчници: рус. рѣчникъ одъ руске Академиє израђенъ, польски одъ Лінде, ческ. одъ Юнгманна, србск. одъ Штулліа, Вука, віндски одъ Мурко, Ярника и.

---

*) Као што се н. п. по горньимъ и великимъ варошима чини; мали майсторчићи и люди, кои доволно новаца немаю, да посебице новине држе и плаћаю, сложе се по ньи неколико 4, 5, 6 а можда и више пакъ кое новине хоћеду, сви скупа држе и у купанію плаћаю. Пр.

т. д. И само унутарнѣ уреждение и одѣление библіотеке, треба да се на ова четиръ или петъ главна нарѣчия подели, и на исто толико соба раздели лакшегъ прегледа ради.

6. Треба сравньиваюће Грамматике и словаре свию нарѣчия имати, кои ће ду формалну или материялну разлику нарѣчия означити, и тако ученѣ ови отлакшати. Осото препоручуемо съ наше стране добре Етимологіке, кое ће узаймно наученѣ нарѣчия врло отлакшати, будући намъ коренне слогове и коренне, речи нашъ изворни езикъ или матеръ нарѣчия у нѣномъ првобитномъ детинству и простоти представля, — и кое су у свима нарѣчияма еднаке. Сачинитель овогъ дѣла никадъ никогъ ние имао кои бы га у овимъ нарѣчияма обучавати могао; нѣгови су учительи понайвише были етимологіконъ Добровскогъ, и овога етімологічне табелле у ческой и старославянской грамматіки; после етимологички рѣчникъ одъ Бандкіе, Ярника и. т. д. У овомъ смислу има Господинъ Л. Р. Мурко пуно право, кадъ у преговору нѣгове Словенске грамматике, Грацъ 1832. страни V. каже: „Са свима Славянима можемо се разумети, ако само едно одъ ньиови нарѣчия савршено — чуйте! я іоштъ еданпутъ съ вниманиемъ повторавамъ — савршено научимо. (Безъ етімологіе и сравньиваня съ другимъ нзрѣчияма, ние ни едно нарѣчие могуће совр-

шено научити). Ко себи таково совршено знанѣ прибави, тай неће узрока имати тужити се, да е славянскіи езикъ у свакомъ сеоцу другчіи, него ће га свуда еднакогъ наћи, и найудалѣния Славянска нарѣчия, коя истина манѣ или више, алъ опетъ не башъ тако яко едно одъ другогъ одстое, разумети. Само незналице и они, кои славянске езике непознаю, туже се и говоре, да е тако тешко славянске езике разумети, и да е у одстоянию нарѣчия тако велика разлика.“ И Урб. Ярникъ на стр. 3. вели „Ова тежня — путъ помиреня съ другимъ сроднимъ нарѣчияма постепенно приуготовлявати, — одъ свию новіи филолога, скоро свию нарѣчия съ особитомъ пазльивости наблюдава се, што съ временомъ одъ велике ползе быти може.“

7. Треба сакупляти и издавати народнѣ песме и пословице, гди одстоенѣ и разлика нарѣчия ние тако велика, као у ученомъ штилу. Къ овоме справдомъ числимо и преводе одъ списания и кньига, изъ едногъ нарѣчия у друго, кои ту ползу приносе, да насъ къ свестраномъ познаваню славянски племена воде, нашъ вкусъ некваре, наше конштрукциие непреокрећу, у кратко нашъ езикъ негрде а нашу народность нескверне.

8. Треба све полагано да туђе у нашемъ езику употребляеме речи и форме понзостав-

лямо и правимъ, чистимъ славянскимъ заменимо іи; овимъ ће мо начиномъ дотле дотерати, да ће мо єданъ свеславянски єзикъ добити. т. є. єзикъ, кои ће сваки Славянинъ когъ му драго племена онъ быо лако разумети. Славянски єзицы треба да се само изъ Славянски єзика обогаћаваю, кои є звукъ й граћа сасвимъ єднака. Ни у єдномъ европейскомъ єзику нису туће речи тако невкусне и непрнличне, као у славянскомъ. Оне слабе и обезчешћаваю характеръ Народа, подкопаваю и мораваю любавъ къ своме народу и є. зику. Туће речи и начинъ говора отуђаваю Славяняна одъ Славянина, удаляваю єдно нарѣчиє одъ другогъ, и одроћаваю єдно племе одъ другогъ. Туће речи и форме гаде правогъ Славянина, и отештаваю ученѣ братимскогъ нарѣчия. Чески и польски єзикъ врло су препуни и измешани съ туђимъ; први съ немачкимъ, последньи съ латинскимъ, и французскимъ, пакъ зато треба да прилѣжно своє єзике чисте. Н. п. ческо grunt, wěrtel, kšaft (Geschäft), kštalt (Gestalt), Uberman (Obermann), freymarčiti, nechati sobe udělati и. т. д.; польско: štuka das (Kunst-Stück), hufnal (Hufnagel), filut okazia, honor и т. д; руско: očaj, glaz, и т. д; србско: варошъ (маћарски), шаргарепа (маћарски); ћуприя (турски), ендекъ (турски), пенджеръ (турски), трпеза грч. и. т. д.

9. Єдновидни философични, по духу Сла-

винскогъ езика основани правописъ сочинити, на кои би се свимъ Славяномъ требало сложити, или баръ онима кои еднака слова латинска или кирилска употреблюю. На овай Славяски правописъ нити треба да мађарски, нити таліянски, нити немачки езикъ уплива имаде. Различни правописи не само да требаю, да се добро науче доста времена, него іоштъ плаше Читателя и забуняваю разумъ. О Илирскомъ Парнасу истину каже Шаффарикъ у повременимъ листовима Ческогъ Музеума 1833. В. j. стр. 32. „Оне су нѣжне ружице, али су у гнусне и гадне остираче и крпе завивне, и у томъ виду нећею никадъ любавь другіи не-Иллірски Славяна задобити. Овде морамо се найпре съ нагрдама борити, као н. п. scgljesc (место šleš), bliscgnja (место bližna), kgniscnizi (место knižnici), oghgnjen (место ognen); kraghl (место král); или што е іоштъ грђе, gghgnjevno (место gnevno) и т. д.“ — Зато морамо Гая и Хорвате хвалити, еръ они су са пречишћенѣмъ и славизиранѣмъ свога правописа за све Славяне лепъ и подражания достоянъ примеръ показали. У кратко, къ достиженю ове Узаймности морамо ми све делеће насъ брежульке понизити и изравнати, све шанцеве и рупе испунити, или баръ мостове преко ньи начинити, да бы едно друго руке пружити и тамо и овамо лакше прелазити могли.

---

§. 30.

Заключение.

У светилу ове Узаймности указаће намъ се савъ Славянски народъ, сва нѣгова племена и нарѣчия, и сва нѣгова судбина и околности у сасвимъ преображеномъ виду. Само чрезъ Узаймность положиће се кодъ Славяна темель народне книжевности у правомъ смислу речи. Шньомъ и чрезъ ню ће само досадашньи Хинейски зидъ, саможивлѣнѣ и дѣлованѣ, и мала книжевна ситнария поедини племена престати; престатиће такоѣеръ и слаба книжевна предузиманя и друштва, коя како се появе и роде, збогъ неманя воздуха и простора, изумрети мораю. Текъ помоћу ове Узаймности, живо ће мо ми Славяни свезу нашегъ дошествия и обштности осетити, и такови прибитакъ неће ни едно племе за скупо држати. Паметния и боля часть Славяна нетреба да е више за оне ствари заузета, кое бы насъ раздвоиле и удалиле, него за оне, кое бы насъ помириле и сдружиле. Мали потоци едва носе даске и балване: на Волги и Дунаву пливаю велики теретни бродови онде, гди се ньиове воде у едну рѣку сливаю. Чрезъ ову Узаймность неће се такоѣеръ и ни едно нарѣчие укратити, будући да при ньой свако племе свою особеность сачувати, и кодъ своегъ нарѣчия и книжества заостати може,

али ће производе другіи славянски племена познавати, куповати и читати. Ево дакле іоштъ едно лепо полѣ за свакогъ Славянина, кои изкренно са своимъ народомъ мисли; овде треба завоевания чинити, или болѣ приврженике набавляти. Овде изискуе нужда, да больи народа синови сви еданъ другомъ руке къ овомъ истинито светомъ завѣту пружаю. Єръ досадашня славяиска ладнокрвность и немарльивость, а често и мрзость едни противъ другіи есть право безакониє, и то она. ково безакониє; коє е Римлянинъ у деци и сродницима найвише осуђивао, кадъ се ова о. коло свои родителя ни су савияла, или послѣдньи кадъ едно друго любили и пазили нису. Около овогъ обштегъ чисто светлеѣегъ огньишта народне учености, нека се скупи когодъ чувствовати и мислити може, и потруди се све за себе придобити. Тежакъ одговоръ почива на нама, нашемъ народу, кои ће судбину дуге будуѣности опредѣлити. Полякъ нетреба да е само Полякъ, него Славо-Полякъ онъ нетреба да чита само своє него и руске, ческе, и србске кньиге; Русъ некъ ниє само Русъ, но Славо-Русъ, нека неразуме само своє но и ческо польско и србско нарѣчиє; Чехъ некъ не остає само Чехъ, веѣъ некъ буде Славено-Чехъ, некъ нечита само своє, но и руске, ческе и србске списателѣ. Србинъ некъ небуде само Србинъ но Славяно-Србинъ, некъ некупує и чита само србска, него и польска,

руска и ческа списания. Само ко ова главна нарѣчия познае и разуме, нека узме перо у руку и некъ буде Славянски списатель. Не онай кои е меѣъ Славянима први, найвеѣи, найячи, него онай кои е найвише у займанъ и съ другимъ племенма и нарѣчиями найвише скопчанъ, кои животъ и самосталность и маньи и слабіи цени и почитуе: само онай заслужуе у нашемъ времену похвалу и дично име Славянинъ. — Ово е удѣйствованѣ іделала едногъ Славянина у стихови:

Ни самь, ни самь я одъ оны' худи'
Пустй, глупи', (нигда ы' не было)
Кои свое одвраѣаю очи
Ол' одъ Кньиге Кирилови слова',
Ол' одъ врсте, писма глаголитског';
То е боланъ! споляшнѣ ношиво,
Подъ ком' исто Славско срдце біе!
Изъ ког' свѣжій животъ произвире.
Разновидне и ако су ношнѣ,
Єдног' духа тек' су плоди' едны;
Другог' лика и ако су знацы,
Єдна мы смо свагда породица,
Док' е своя чеду драга майка.
Не ѣу, (нит' самъ) раванъ быти оным'
Кратковидимъ гробница' зидаромъ,
Кои вазданъ дублѣ у адъ теже,
И у себи кои светъ савъ вйде.
Мое цѣло да е Славство видимъ,
Па и цѣлогъ да самъ и я листакъ,
То е моя слава, честъ и благо,
Ког' се недамъ лишит' за живота.
Отечество родъ е мени, ког' су

Прекомѣрно границе широке,
У нѣм' врве, живи милліони,
Ярко нѣга свагда грее сунце,
Нити с' нѣга кадгод' заилази;
Ако Богъ да и срећа юначка,
Не ће нѣму никад' на заићи
Докле нѣму чеда Славе майке
„Любовъ песме“ жертвовали буду.

Садржаннє.

		Страна.
§. 1.	Улазъ	1.
§. 2.	Шта є то Узаймностъ по сили речи?	3.
§. 3.	А шта Узаймностъ ниє? . . .	5.
§. 4.	Колико и коя Славянска нарѣчия принадлеже къ овой Узаймности? . .	8.
§. 5.	Колико треба да се ова Узаймностъ простре?	11.
§. 6.	Примери Узаймности кодъ другіи Народа	12.
§. 7.	Колико и гди є найпре постала мисао и чувствованѣ Узаймности измеѣу Славяна? кодъ когъ се племена ова найвише, кодъ когъ найманѣ развила и у дѣйство привела? . .	19.
§. 8.	Неузаймностъ, народня себичность, и кньижевна засебностъ. . . .	25.
§. 9.	Отношенѣ Узаймности къ отечестволюбию поедини племена Славянски. .	30.
§. 10.	Да и већа Славянска племена и умишлѣно или дѣйствително лепша и разпространития нарѣчия узрока имаю у ову Узаймностъ ступити. . .	34.
§. 11.	Отношенѣ Узаймности ко ученю други стари и нови єзика	46.
§. 12.	Шта су до садъ били Славяни безъ ове Узаймности?	50.

Страна.

§. 13. Нужда ове Узаймности за велико опредѣленіе Славяна, кое имъ теченіе времена и редъ народа налаже . . 59.

§. 14. Способность Славяна за изпуненѣ овогъ опредѣленія у путу Узаймности . 70.

§. 15. Опровргаванѣ неки сумньи, пребацивання и промишляванія у смотренію ове Узаймности . . . . . 81.

§. 16. Користь ове Узаймности за Славянски народъ по наособъ . . . . 87.

§. 17. Споляшня припятствія ове Узаймности. 97.

§. 18. Унутарня припятствія ове Узаймности 110.

§. 19. Путъ и помагателна средства за разпространити ову Узаймностъ . . 116.

§. 20. Заключеніе . . . . . 125.

Г. Г. ПРЕНУМЕРАНТИ.

БЕОГРАДЪ.

(Скуплѣни одъ Г. Милутина Поповића.)

Високоблагор. Г. Стеванъ Херкаловићъ, Чиновникъ чрезвич. особен. порученія Попечит. Внутрени Дѣла.
Благород. и високоуч. Г. Петаръ Радовановићъ, Управитель главни основни Училишта К. Сербіе.
— Г. Сима Протићъ, Столоначалникъ Попеч. Просвештенія.
— — Светозаръ Десимировићъ, протокол. Попеч. Правосуд.
— — Мита Симићъ протокол. Попеч Просвешт.
— — Миша Радивоевићъ, Архив. и Регист. Поп. Просвешт. Єданъ безимени.
— — Марко Стойковићъ, Проток. Санитета.
— — Сима Петровићъ, Канцел. Попеч. Просвешт.
— — Никола Райковићъ. Канцел. Попеч. Правосуд.
— — Павле Х. Трипковићъ, Канцел. Попеч. Внутр. Дѣла.
— — Атанасие Милойковићъ, Прак. Поп. Внутр. Дѣла.
— — Танасие Є. Ненадовићъ, Столонач. Попеч. Правосуд.
Высокоблагор. Г. Кавалеръ Яковъ Якшићъ.
— — Алекса Николаевићъ, Помоћникъ Нач. Окр. Беог.
Благ. Г. Миша Петровићъ, Постъ-Официръ.
— — Коста Сретеновићъ, Практ. главне Контроле.
— — Іованъ Ђ. Єитимировићъ, Писаръ Управител. Поштанск.
Поштенор. Господаръ Іованъ Аћимовићъ, Брука каменорезацъ 2.
— — Ђорђе Радосавлѣвићъ, тишлеръ-майстеръ 2.
Высокородни Господ. Паунъ Янковићъ, Попечитель Правосудия и Просвештенія, Полковникъ и Кавалеръ.
Высокоблагор. Г. Іова С. Поповићъ, Начал. Поп. Просвѣштенія.
Благород. и високоуч. Г. Дръ Милованъ Спасићъ, Директоръ Окружни основни школа, Членъ одбора просвештенія.
Благ. Г. Дръ Шаффарикъ, Профессоръ Физике.
Высокоуч. Г. Коста Бранковићъ, Профес. Философие.
Благопочт. Г. Глигоріе Возаровићъ, Книгопродавацъ 6.
Поштенор. Г. Ђорђе Предићъ, ледеръ-фабрикантъ 3.
Благор. Г. Петаръ Лукићъ II. Казначей Попеч. Финанс. Пречешћѣйши Г. Илія Влайковићъ, Намѣстникъ изъ села Баћевца Чест. Г. Милошъ Сушићъ Ђаконъ и учитель при горньой Цркви. Поштенор. Г. Матія Влаћъ Трговацъ изъ села Жаркова.

Слушат. Богословие.

Благонад. Слуш. Аверкій Петровићъ слуш. 4. год. Богословие изъ Бугарске. Иванъ Стояковићъ слуш. 3. год. Богос. Горилъ Миличевићъ II год. Клир. Василій Николаевићъ II год. Клир. Іоакимъ Димитриевићъ I. год. клир. Никифоръ Вуличевићъ I. год. клир.

Слушат. Поезіе Београдске.

Милошъ Петровићъ, Єврем Грунѣ, Петаръ Протићъ, Соколлянинъ Крста Марковићъ Неготинацъ, Миланъ Іоксимовићъ совокуп.

Правительствена Княж. Срб. Кньигопечатня.

Благород. Г. Г. Петаръ Карамарковнѣъ, Словослагатель Прав. Княж. Срб. Кньигопечатнѣ.
Пантелей В. Іовановнѣъ, Словосл. Прав. Княж. Срб. Кньигопеч.
Георгіе В. Іовановнѣъ, — — — — —
Глигоріе Крнјајскій, — — — — —
Георгіе Станѣъ, — — — — —
Алексіе Поповнѣъ, — — — — —
Петаръ Ђорђевнѣъ, — — — — —
Іованъ Вуковнѣъ, — — — — —
Димитріе Петровнѣъ, — — — — —

Печатательи: Урошъ Радовановнѣъ. — Георгіе Стефановнѣъ. — Іованъ Симнѣъ. — Коста Янковнѣъ. — Димитріе Николнѣъ. — Димитріе Вулнѣевнѣъ. — Филипъ Николаевнѣъ.

Поштенор. Г. Стефанъ Лазаревнѣъ, Кньиговезацъ и Кньигопродавацъ.

БАВАНИШТЕ.

(Послани одъ Господара Петра Стояновића.)

Честнѣйша Г. Г. Самуилъ Милорадовнѣъ, Іованъ Мильковнѣъ, Аксентие Димнѣъ Пароси.
Высокоуч Г. Г. Андрея Урошевнѣъ, Учитель I. и Лука Вукомановнѣъ Учитель II. классе.
Поштенород. Г. Г. Тоша Радивовнѣъ, Матея Петровнѣъ, Макса Димовнѣъ, Павле Х. Стояновнѣъ, Манойло Милосавлѣвнѣъ, Васа Теодоровнѣъ, Аронъ Шайковнѣъ, Сава Лазаревнѣъ, Стеванъ Смедеревацъ, Мита Димнѣъ, Манойло Шайковнѣъ, Петаръ Х. Стояновнѣъ трговци. 18.

ДОЛОВО.

(Послани одъ Г. Филипа Поповића Пароха.

Пречестнѣйш. Г. Стефанъ Болгариѣъ, Парохъ Доловачки и Намест.
Честнѣйша Г Г. Филипъ Поповнѣъ, Парохъ. — Симеонъ Мишковнѣъ Капеланъ и Алекса Николнѣъ, ђаконъ.
Высокоуч. Г. Г. Іосифъ Миловановнѣъ, Сава Докнѣъ, Алекса Рогоржарски Учитель.
Поштенород. Г. Г. Браћа Живанъ и Димитрие Стойновъ кумпаниони и арендатори. Теодоръ Станисавлѣвнѣъ, и Никола Бараевацъ, трговци. 10.

ЛОЗНИЦА.

Г. Игнатъ Рашнѣъ, Протоврей Лознични.
— Георгіи Илнѣъ, Настоятель Монас. Троноше.
— Петаръ Стефановнѣъ, Парохъ Грнчарски,
— Алекса Павловнѣъ, — Іошевачкіи.
— Марко Стефановнѣъ. — Текеришкіи.
— Іованъ Арсеновнѣъ, — Яребичкіи.

Г. Іованъ Поповићъ, — Трешњичкіи.
— Василіи Протићъ. — Азбуковачкіи.
— Станко Поповићъ, Админ. Рунянскіи.
— Райко Трифуновићъ, — Ковилачкіи
— Лука Поповићъ, — Белоцркванскіи.
— Димитрие Ђураковъ, Учитель Лозничкіи.
— Моои Богдановъ Писаръ Начаничества.
— Ђорђе Єздимировићъ, Експедиторъ Поште.
— Милошъ Арсеновъ Писаръ Примир. Суда Лозничкогъ.
— Павле Миличевићъ трговацъ.
— Єданъ одъ Почитателя Г. Коллара.

НОВИ-САДЪ.

(Послани одъ Г. Киряковића Трговца.)

Пречестнѣйши Г. Ђорђе Вуковићъ, Парохъ и Наместникъ.
Благород. Г. Гавра Ползовићъ, Сенаторъ
— и високоуч. Г. Дръ Петаръ Іовановићъ, Адвокатъ и директоръ Гимназіялни.
Високоуч. Г. Тома Милашиновићъ.
Поштенор. Г. Іосифъ Мачвански избрани общт. Членъ.
— — Андрея Димитриевићъ 6.

ПАНЧЕВО.

(Скупіо Г. Михаилъ І. Недельковићъ лебцелдеръ)

Поштенород. Г. Г. трговци: Михаилъ Влаховићъ. — Марко и Коста Суботићи. — К. С. Дняманди. — Іованъ Іовановићъ. — К. М. Дняманди за кћерь свою Евицу — Павелъ Ягодићъ. — Лазаръ Паунковићъ. — Яковъ Стояновићъ изъ Дебеляче. — Александеръ Барићъ. — Димитрие Крстићъ. — Яковъ Крчадинацъ. — Іованъ Илићъ. — Васа Савићъ. — Арсения Мѣрковићъ, изъ Гая. — Илия Георгиевићъ, изъ Делиблата. — Іованъ Георгиевићъ, изъ Делиблата. — Василии Грунћи изъ Старчева — Живко Михайловићъ. Георгие Недельковићъ. — Стефанъ Иванковићъ. — Павелъ Георгиевићъ. — Василие и браћа Бараевацъ изъ Долова. — Цветко К. Стефановићъ. — Живко Стефановићъ. — Мария Стефановићъ. — Єлена Стефановићъ. — Матея Амбрушъ изъ Плочице. — Арса Михайловићъ. — Илия Димитриевићъ, Парохъ. — Георгіи Живковићъ. Анастасъ Лієрска Чора изъ Самоша. — Лазаръ Кралѣвъ изъ Идвора. — Александеръ Кнежевићъ, Парохъ изъ Црепае. — Стоянъ Димитрие Стойковићъ. — Александеръ Василиевићъ. — Георгіи Суботићъ. — Мойсей Атанацковићъ. Парохъ. — Димитрие Радуловићъ, Докторъ. — Лазаръ Теодоровићъ, Апотекаръ 2.—

(Скупио Г. Александеръ Іовановићъ, Берберинъ.)

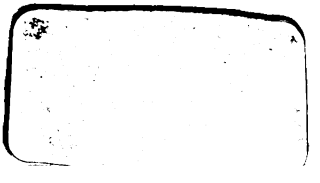
Благор. Г. Г. Игнятъ Ранићъ, Членъ Полиции. — Теодоръ Хергота Постъ Приктикантъ. — Поштенор. Г. Г. трговци: Петаръ Кранчевићъ. — Василие Беркићъ. — Браћа Влаховићъ — Георгъ Милутиновићъ. — Димитрие Живановићъ. — Браћа Буковала у То

машевци. — Папила Михайловићъ, у Яковцу. — Іованъ Димитриевићъ, у Дебелячи. — Стефанъ Терпковићъ. Никола Іовановићъ. — Димитрие Поповићъ. — Браћа Стеванъ и Радославъ Петровићъ — Теодоръ Стефановићъ. — Аврамъ А. Ханъ Булли. — Василие Лазаревићъ. — Александеръ Становићъ, пекаръ. — Іованъ Поповићъ кроячъ. — Никола Живковићъ, кроячъ. — Стеванъ Николићъ, кроячъ. — Василие Беркићъ, виски Арендаторъ. — Георгія Пековићъ вин. Аренд. — Александеръ Илићъ, вин. Аренд. — Александеръ Рашковићъ, опанчаръ за сына Глигория. — Александеръ Станисавлићъ Абаджия. — Александеръ Марковићъ, чизмаръ. — Живанъ Петровићъ, тргов. калфа. — Госпоя Мария Зафиръ, изъ Новогъ Села. — Господичне: Мария Натићъ. — Емилія Тамбурићъ. — Господ. Никола Ђурковићъ, Учитель Пѣния сл.

ПЕШТА.

Благор. Г. Димитріе Бельковъ, изслуж. Постмайсторъ, комерц. Агентъ, и сл. Сремске вармеђе Присѣдатель.
— Г. Димитрие Іованновићъ, вароши Пештан. Землѣмѣрацъ.
Высокоуч. Г. Г. слушатели лѣкарства: Любомиръ Радивоевићъ. — Милошъ Радойчићъ. — Юлие Радишићъ. — Емиліанъ Милошъ Марго, слушатель Философие. — Гойелавъ Ђорђе Поповићъ, I. год. Унгар. Прав. у свеучилиш. Пештанскомъ. сл.

ПОЖАРЕВАЦЪ.

Честнѣйша Г. Г. Илия Протићъ, Парохъ Пожаревачки. — Кирилъ Ситићъ Парохъ Пожаревачки. — Милутинъ Николићъ, Пар. Пожаревач. любитель книжества
Благоразум. Г. Г. Коста Георгиевићъ, Учитель старие классе. — Алекса Ђурићъ, Учитель среднѣ классе. — Юноша Живко Елисевићъ Протићъ, любит. книж. — Стефанъ Іовановићъ Учитель Добрски.
Благород. Г. Мита Миленковићъ. Подпоручикъ у пензіи.
Поштенор. Господр. Мумцићъ, пинтеръ любитдль книжества.
— — Петаръ Шльивићъ.

352